

ДАХА ТАРАТОРИНА

ДУРНАЯ  
КРОВЬ

18+

Даха Тараторина

**Дурная кровь**

«Автор»

2026

## **Тараторина Д.**

Дурная кровь / Д. Тараторина — «Автор», 2026

Верд хмур, суров и циничен. Именно таким должен быть охотник и убийца нечисти. Колдунья Талла наивна и доверчива. Ей и в голову не придёт, что одинокий уставший путник оказался в её избе не случайно! И уж тем более откуда бы ей знать, сколько стоит её дар и как много есть на свете желающих его заполучить. А вот охотник знает. Но захочет ли он продать дурную девчонку, когда придёт срок? Роман НЕ ЯВЛЯЕТСЯ эротическим. Рейтинг 18+ поставлен из-за сцен насилия и употребления алкоголя без смакования подробностей.

© Тараторина Д., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 7  |
| Глава 2                           | 17 |
| Глава 3                           | 25 |
| Глава 4                           | 33 |
| Глава 5                           | 43 |
| Глава 6                           | 50 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 55 |

# Даха Тараторина

## Дурная кровь

*Даха Тараторина*

**Дурная кровь**

**Содержание**

Глава 1

Дурная

Глава 2

На богов не надейся

Глава 3

Не всякий зверь — лютый

Глава 4

Где дорога, там и путь

Глава 5

Огонь в снегу

Глава 6

Шварги тебя раздери!

Глава 7

Слуга богов

Глава 8

Старый друг

Глава 9

Что имеем — не храним

Глава 10

Чужая беда

Глава 11

Лёд тронулся

Глава 12

Кто к нам с зубами придёт, тот по зубам и получит!

Глава 13

Мёртвые детям не игрушки!

Глава 14

Семья

Глава 15

Своя рубашка ближе к телу

Глава 16

Монстры

Глава 17

Я хотел увидеть море с тобой

Глава 18

Вада!

Глава 19

Кто не спрятался — я не виноват!

Глава 20

Она

Глава 21

Ты ничего мне не должна

Глава 22

Слишком поздно, чтобы бежать

Глава 23

Четвёртый дар Трёх Богов

Эпилог

## Глава 1

### Дурная

— Дурна-а-а-а девка, — предупреждала беззубая старуха, принявшая его на ночлег.

Не бесплатно, конечно. Бабка не преминула взять втридорога за постой. А куда ещё пойти по беззвёздной темноте, да в метель? Потому Верд не стал спорить. Сдержался, хоть и мог бы переломить жадную каргу надвое, заплатил и молча лёг спать, не спросив про ужин.

Наутро метель не утихла, напротив, принялась завывать свирепее, точно в снегу прятался голодный зверь, впивающийся когтями в бревенчатые стены, царапающийся, просящийся в тепло. Никто не впустил бы его: диким тварям не место среди людей.

Переждать, как и раскошеливаться на ещё одну ночь, Верду не хотелось. Достанет и того, что подбитый мехом плащ высох и прогрелся у печи. Для вечного путника это ли не благодать? Унять бы урчащий голодный живот — вовсе счастье.

Пока щербатая гримза сплёвывала шелуху семечек в пригоршню, а свежие сплетни в уши неблагодарного слушателя, мужчина побренчал крышками многочисленных котелков в кухне. К величайшему разочарованию, ни в одном из них не обнаружилось ароматного томлёного мяса. Да и с чего бы? В эдакой глуши его небось только по праздникам и видят, да и то в окно на соседском столе.

— Не обес-с-с-судь, милай! — Старуха поудобнее уюстилась задом на плотно закрытом и завешенном тряпичей сундуке. — Ты за ночлег платил, об угощении речи не вели. Оголодал — будь добр, ещё монету выложи.

— Перебьюсь. — Гость равнодушно скрестил руки на груди и опёрся плечом о дверной косяк.

Кто другой не рискнул бы ссориться с таким, как он. Немного нужно зоркости, чтобы приметить осанку, какой не встретишь у согбенного вечным огородничеством селянина, выступающие жилы, рисующие на предплечьях узор, схожий с танцем струек крови на лезвии ножа, да и цепкий, колющий взгляд заставлял неуютно поёжиться. Но бабка считала, что пожила уже достаточно, а потому не робела ни перед наёмником, ни перед его ухмылкой, разделённой надвое уродливым шрамом. Она самозабвенно делилась мудростью и думать не думала, что слова стоило бы взвешивать прежде, чем произносить.

— Дурная, — повторила она, — девка того... видно умом тронулась. Ну и немудрено: с раннего детства одна. Небось родилась четвёртой, так её из дому и погнали, чтобы счастье не отнимала. Живёт особняком, ни с кем близко не знает. Вон прошлой весной сходил к ней сынок кузнеца. Известно, за чем пошёл: девка-то в летах, незамужняя. Ну паренёк и понёс ей кубышку мёда в подкуп. Так она ту кубышку бедняге на темечко вывернула, опосля едва сняли!

— Легко отделался. — Верд крепко завязал тесёмки плаща под горлом, по привычке проверил, чтоб свободно ходил в ножнах меч и, прищурившись, спросил: — В какой стороне живёт? Девка эта ваша.

— А тебе к чему, добрый молодец? Дело какое али просто так любопытствуешь?

Старуха спрашивала для вида: и без того всё уразумела. С вечера она не раз выглядывала из-за занавесочки у лежака и рассматривала путника. Углядела, что на деле мужчина куда моложе, чем кажется, но шрамы да нелёгкая доля добавили серебра в волосы, заставили хмуриться и зло подозрительно озираться. Не остались без внимания и треугольные метки на тыльных сторонах ладоней, хоть гость и снял с них повязки тогда только, когда хозяйка засопела. Однако ж старость лишает крепкого сна. Проснувшись и сходяв до задка в крайний раз, бабка застала, как тускло светятся чёрные линии.

Охотник.

Ясно, зачем дурная девка такому, как он. А им, деревенским, колдунья самим пригодится.

На этот раз Верд не стал терпеливо ждать, пока старуха наговорится. Со вчера он многожды спрашивал, где искать дурную, и всякий раз вместо ответа получал истории о тяжёлой беременности жены старосты, жалобы на жестокую раннюю зиму или заунывные песни.

Размашистым шагом он пересёк комнатушку, приподнял визжащую бабушку одной рукой и откинул крышку сундука второй. Внутри ожидаемо обнаружились припрятанные намедни запасы, которые пришлым не полагались.

— Чаго удумал?! Наглец! Вор! Убивец!

Охотник поудобнее перехватил скандалистку, чтобы та кулаками доставала ему разве что до зада, и вознаградил себя за выдержку найденными ржаным хлебом и крынкой простокваши.

После грабежа старуха если бы и указала дорогу, то разве что к такой-то матери. Потому Верд спешно позавтракал под ругательные трели и ушёл. Главное он вызнал: колдунья в деревне действительно есть. Теперь он легко её отыщет.

Ох, как же охотник ошибался! Метки, что привели его в селение, светились и жгли почти постоянно, больше мешая, чем помогая. За день довелось обойти все стоящие поодаль от остальных дома, но без толку. Проклятая девка как сквозь землю провалилась!

А выюга не затихала. Стоило и без того едва заметному солнцу скрыться, она словно взвыла от одиночества. Снег слепил, заползал за шиворот, пробирался в рукавицы. Тяжёлые сапоги проваливались в наметённые барханы, мужчина увязал по самые колени и с каждым разом всё с большим трудом выбирался.

Метель стонала и пела, убаюкивала. Ей не хотелось проводить очередную ночь в тоскливом отчаянии. Она мечтала о тепле живого тела, она страдала, что некого обнять и укутать, сжать крепко-крепко, пробираясь под плащ, куртку и плотную рубаху к самому сердцу. Она гладила раскрасневшиеся щёки путника, заглядывала в колючие глаза, запускала пальцы в волосы, словно припорошенные пеплом...

Но мужчина упрямо шёл вперёд. Силы его почти иссякли. Так уж нужна ему та колдунья? Вон сколько клиентов предлагали немалые деньги за охрану или сопровождение товара. А уж сколько сулили за тихое убийство — и вспомнить приятно! Ценят ещё мастерство...

Но охотник отказывался. Потому что за девку можно получить намного, намного больше. Если, конечно, знать, кому сбыть товар. Верд знал. Поэтому шёл, споря с непогодой и собственными продрогшими членами.

Позади мерцали огоньки удаляющейся деревни. Точно светлячки на болоте, обманом зазывающие в трясину. Ох, как же заманчиво развернуться и постучать в одно из окошек! Да хоть бы и в окошко беззубой карги! Она, конечно, затребует последние монеты, что остались в кошеле, но зато у неё жарко натоплено, и небось ещё не убрано тяжёлое кусачее одеяло.

Но Верд не оборачивался. Он шёл вперёд. Туда, где нереально, сказочно подрагивала жёлтая точка. Поди догадайся, не голодный ли хищник наблюдает с кромки леса. А может, и вовсе ничего нет: так, игра усталой головы, отражение огней деревни. Но если есть хоть один малюсенький шанс, охотник не отступится. Потому что охотники не умеют отступать.

Когда Верд добрёл до маленького покосившегося домика и тяжело стукнул в дверь, он понимал, что обратный путь к селению закончится где-нибудь в сугробе. А ещё он понимал, что, если пришёл правильно и откроет ему та самая одинокая колдунья, она нипочём не впустит рослого, изуродованного шрамами и сурового мужика внутрь.

— Батюшки! Вы, господин, никак решили снеговиком заделаться?!

Девка отворила сразу, не спросив, кто и зачем, не прикрыв бесстыдно распушенный ворот платья и не собрав гуляющих на ветру и абсолютно белых, как снег, волос. Смелая. Или правда дурная?

— Ты, что ли, колдунья? — начал Верд злее, чем полагалось. Объясняйся тут ещё, про-сись, доказывай, что не худой человек, ври.

— Вы заходите, господин, заходите! Подумать страшно, что вы себе отморозить успели в эдакую непогоду!

И втащила его внутрь.

Охотник не стал противиться. С наслаждением вытряхнул снег из всех мест, куда его, по идее, и занести не должно было, скинул и пристроил под лавкой у печи сапоги, развесил плащ и расстегнул куртку.

— Не боишься?

Усевшись, вытянул ноги, впервые за долгие недели позволив себе по-настоящему рассла-биться. Он нашёл её. Нашёл! Тех, кто обладает даром, ни с кем не спутать, и метки не нужны! Тонкая, бледная, почти прозрачная, растрёпанная и лёгкая, как снежинка. Таких не встретишь среди простых людей.

Девка отняла у Верда рукавицы, чтобы подцепить горячий чугунок, перенесла его на стол, всё ж таки ошпарившись по пути, и затрясла пригоршней.

— Чего бояться прикажете?

Охотник хрустнул шеей, размял плечи, едва не застонав от удовольствия.

— Меня, к примеру. Ну как убийца к тебе пожаловал? Вор, душегуб? — постарался Верд вспомнить все нелестные слова, которыми одарила его давешняя старуха.

Хозяюшка звонко рассмеялась, проскакала, как воробышек какой, едва касаясь поло-виц босыми ступнями, и плюхнулась рядом, без малейшего страха заглядывая чужаку в глаза. Дурашливо протянула ручку:

— Я Талла. А вы, дяденька, душегуб?

Верд ошалело пожал ладошку, утонувшую в его смуглой лапе. «Дяденька»! Намного ли он старше наивной девчушки, покамест не успевшей обжечься о жизнь? На пять лет? Десять? Зато поседел и нажил шрамов как на коже, так и на душе. Вот тебе и «дяденька»...

— Верд. Хотя и душегуб тоже. Временами. Но не сегодня.

— Вот и чудненько. Вечерять будем?

Не таясь, она выложила всю снедь, какая нашлась. Пока Талла ловко орудовала ложкой, раскладывая горячую, только из печи, кашу и разливая ароматный кисель, Верд поглаживал наверхие мечи. Что мешает ткнуть колдунью чуть ниже затылка, подхватить обмякшее неве-сомое тельце, перекинуть через плечо — и поминай как звали. Ни спрашивать не придётся, ни уговаривать. Знай себе вези по дороге, примотав к седлу, да еду изредка впихивай сквозь плотно сжатые зубы, чтобы вконец не отошала. Охотнику не впервой, так чего церемониться?

Талла придвинула тарелку и вложила в задумчиво расслабленные пальцы грубо стёсан-ную деревянную ложку. Мужчина недоумённо уставился, поднял её к глазам, точно забыл, как держать, целиком закрыл половником суetyающуюся фигурку.

— Дура ты, — сообщил он колдунье.

Та невольно среагировала и тут же смутилась:

— Сам дурак! Ой, дяденька, вы чего обзываетесь?

— Какой я тебе дяденька! — вспылil Верд, плюхнув поварёшку на горку кушанья. — Явился к ночи незнакомый страшный мужик, в избу ввалился, а ты его потчевать вздумала? Ну как злодей какой?

Талла отхлебнула из своей кружки, подержала кисель во рту, с усилием проглотила.

— Но вы же сказали, что не душегуб, — искренне удивилась она.

— Я мог соврать!

— А врать, — дурная подняла кверху бледный палец, — нехорошо!

Ну чисто дитё малое! Помнится, бабка говорила, что колдунье замуж пора. Какое замуж, когда девка-дура перед самым носом опасности не разглядит? Как до своих-то лет с таким норовом дожила, и то непонятно!

— Да и что бы, интересно, я сделала, окажись вы худым человеком? В сугроб бы сиганула? Закричала? Неужто я такая глупая, что надеялась бы на защиту этих вот стен? — Дурная колупнула ногтем брёвнышко, и от того сразу отстала щепка. — И двери не лучше, — приснула, как с хорошей шутки.

Верду ничего не стоило огреть её рукоятью меча, вернуться в деревню за лошадьё да отправиться в путь. Такую доверчивую дурочку несложно доставить до места. Это не царапучая тяжеловесная тётка, которую он продавал в прошлый раз. Талла не попытается сбежать на привале, не станет упрямиться, отказываться от пищи и кусаться. Рыдать разве что начнёт. Но Верда давно уже не проймёшь горькими слезами.

Но то утром. Сейчас, как бы ни хотелось поставить девке ум на место доброй оплеухой, буянить не дело. Он отдохнёт да отоспится, а там видно будет. В конце концов, колдунья может поехать и добровольно.

Мужчина долго тщательно пережёвывал кашу, всматриваясь в затухающие угли в печи. Натопила хозяйка знатно: его уже сладко разморило, а трещавшие от мороза кости в кои-то веки перестали болеть. Необычайная благодать напала на Верда. Она, и только она заставила его рискнуть:

— Давно ты живёшь здесь, Талла?

Она поправила соскользнувший плащ, чтобы скорее просох, надела на рога ухвата рукавицы путника и аккуратно пристроила к печному боку, чтобы не задымились.

— Давненько. Почитай, сколько себя помню. Мне эта деревня — дом родной, здесь выросла, здесь, видно, и помру.

Охотник засучил рукава, обнажая исцёрканные рубцами предплечья. Снять бы ещё плотные повязки с ладоней, дать подышать жгучим меткам, но рано. Напугается ещё колдунья, не станет вести разговоров.

— И что же, нравится?

— А как иначе? Меня здесь приняли, не погнали. Иногда помочь зовут, ежели у кого недуг или корова околеет грозитя. За просто так кормят-поят...

За просто так? Вот же доверчивая девица! В городах за колдовство такую цену ломают, что не всякому по карману! Немудрено: кто ж станет рисковать шкурой за просто так? А эта, небось, всё селение на себе везёт, да уверена, что это её приютили, а не выжимают почём зря!

— И никогда мир повидать не хотела? Платьев цветных поносить, дорогого сыру, заморских сладостей поест? — котом замурлыкал Верд.

Глаза колдуньи засветились безоблачным зимним небом:

— Сладости... Сладости — да. Мне позапрошлой весной проезжий купец подарил корбочку. Тесто тонкое-тонкое, слоёв — не пересчитать. Мёдом пахнет, пряно... Я, правда, совсем немного попробовала. Надо же детишек угостить. А их набежало — тьма! Ну и растащили всё, пока я лошадь того купца лечила.

— Подарил, значит? Не заплатил за то, что ты клячу его, чуть не околевшую, с того света вытащила, а подарил?

Талла кивнула, не понимая, почему гость криво жестоко ухмыляется.

— Дура ты всё-таки. И это я не обзываюсь, а сообщаю тебе новость. Собирай-ка вещи, колдунья. Нечего здесь делать. Думаешь, сильно тебя любят местные? Помогают без повода? А знаешь ли, в каком достатке живут такие, как ты? Те, кто лечит не запойных пьяниц, перебравших накануне, а торговцев, городничих, дворян? Разумеешь, как могут устроиться? Собирай пожитки. Тебя не похищать, тебя спасти от этих пиявок надо.

Верд не врал. Он вообще не слишком любил врать. Просто Талла пока не заслужила всей правды. Колдуньи действительно жили в достатке. По крайней мере, те из них, что не попадались шавкам короля. Когда магия становится вне закона, любые её крохи ценятся куда дороже золота. А охотник знал, с кем поторговаться.

Талла растерянно прижала к груди кружку с киселём:

— Куда? Разве меня ждут где?

— До ближайшего города доведу, а там посмотрим, — уклончиво ответил охотник.

— Как же я деревню брошу, дяденька? Тут дом родной, тут меня любят. Как оставить всё? — Она обвела рукой скудное убранство.

— Показать? — недобро понизил голос Верд, снова находя пальцами крестовину меча. Не стоило заводить речь с вечера. Теперь девка точно перепугается и даст дёру. А ехать в ночь да по метели никак нельзя, тем паче с бездыханной колдуньей, которая, не ровен час, околеет по пути.

Но тут в окно замолотили. Показалось, ветер кинул горсть снега, но нет. К грохоту прибавились крики:

— Талла! Талла, золотко!

Колдунья подскочила, метнулась распахнуть двери.

— Староста!

— Доченька, милая, выручай! — Мужик, не теряя времени, плюхнулся на колени. Густую чёрную бороду и огромные плечи запорошил снег, делая его похожим на одного из юродивых, что профессионально выпрашивают монетки близ монастырей и храмов. — Дана рожать вздумала! Не в срок, в пургу! За лекарем в соседнее село, как хошь, не успеть! Спасай, милая! На тебя одна надежда!

Колдунья схватила душегрею, набросила на хрупкие плечи прямо так, поверх лёгкого платья и рванула на улицу. Староста сразу успокоился, подхватился.

— Стой! — Верд успел схватить девку за подол, когда та уже выскочила за порог, и втянул обратно. — Босой собралась?

Эдак впервые, чтобы товар так страстно желал себя угробить прежде, чем охотник доставит его к заказчику.

— Ой, и правда! — заливисто рассмеялась девка, выпрыгнула в валенки и припустила уже так, что проситель едва за ней поспевал.

— Дурная, — процедил охотник сквозь зубы, натянул обувку и выскочил следом, завязывая плащ уже на ходу.

\*\*\*

Роженица вопила так, точно лез из неё не младенец, а по меньшей мере медведь. Верд, конечно, слышал, что дело это неприятное, но всяко не большее, чем схватиться с дюжинным отрядом и выжить, а потом три месяца едва двигаться. Наверное.

Не к добру мужчинам подглядывать за таинством рождения новой жизни, но женщину схватило внезапно, баню натопить только бросились, так что, кроме как за стенку, Верду и старосте деться оказалось некуда.

— Чего припёрся? Звал тебя кто? Пшёл прочь! — попытался будущий отец замахнуться на незнакомца, когда тот только вошёл, но Верд так тяжело зыркнул, что староста не решился перечесть: — А то и оставайся, всяко человек с мечом пригодится злых духов отгонять...

— Воды горячей! — Талла выглядывала из комнаты, повисая на двери, и тут же снова пряталась внутри, как вдёрнутая за волосы. — Тряпок чистых! И нож, да прокалите над огнём!

Верд не хотел смотреть, но всё одно увидел женщину, катающуюся по смятой кровати, потную, зарёванную. И колдунью. Не наивную глупую девчонку, что впустила в дом незна-

комца, а настоящую магичку, уверенную, сильную, с прямой спиной и лёгкими, но крепкими ладонями. Она прижимала их ко лбу женщины, окутывала её лицо голубоватым сиянием, и крики той ненадолго стихали.

Староста ругался, меряя избу шагами:

— Баба нерадивая! Ну куда, куда, в метель-то рожать?! Ух, ничего им не доверять!

А Верд стоял у окна, с трудом сдерживаясь, чтобы не наподдать коленом безвинному перепуганному мужику. Знамо дело, над первенцем все трясутся. Это тебе не четвёртое нежеланное дитя, которое иной раз и вовсе могут притопить, коли живым на свет появилось.

За окном выла метель. Тягуче, с переливами, с рычанием. Так, как не должна завывать природа. Недобрый знак. Недобрые роды. Раньше срока, при мужиках, без лекаря и повитухи. Плохо. Очень плохо. Мужчина не убирал ладони с меча, и тот словно знал, что скоро пригодится, едва чутьно подрагивал.

Запахавшиеся тётки, мамки или няньки — того Верд не ведал — без толку носились туда-сюда, только выстуживая избу. Верещали, причитали и молились Трёх Богам, покровителям смертных. Да бесполезно: буран не утихал, а баба всё никак не могла разродиться.

— Как без баньки-то? Дрова, точно Богиня с Котлом на них плюнула, сырые! Нипочём не занимаются! — Рябая тётка уселась на пол, раскачиваясь из стороны в сторону, поймала штанину старосты и запричитала, размазывая сопли по красному лицу: — Как же без баньки?!

Верд на всякий случай отодвинулся подальше: того гляди начнёт ещё и за него хвататься, запачкает, порвёт одёжу.

Староста тоже не горел желанием утешать плакальщицу. Самого б кто успокоил. Он вырвал ногу.

— Да не вопи ты! Одно слово: бабы. Что жена, что тёща! Талла пришла, сейчас всё поправит.

Верд удивлённо приподнял брови, но промолчал: колдунья колдуньей, но, когда жена на сносях, мог бы и озаботиться заранее сухими дровами, а то и повитуху позвать погостить. Видно же, что первенец поздний: мужик уже старостой заделался, а всё наследником не обзавёлся.

— Да как так-то? Всё на колдунью? Управится ли? А ежели оглоеды поналетят? Как отгонять, кому молиться, ежели не по чести таинство учинили?

— Уймись, дура! — Староста с усилием за грудки приподнял тёщу и усадил на лавку. — Всё Талла поправит, всё сделает. На то колдунью и держим!

А вот охотник подобной уверенностью похвастаться не мог: он уже сообразил, что отсыреть в бане дрова никак не могли, да и печь неспроста начала чадить чёрным вонючим дымом. Злые духи-оглоеды не любят тепла, а вот свежей кровью полакомиться — это да. Они летят к роженицам, как бабочки к костру, да только не сгорают в пламени, а отщипывают человеческое тепло по кусочку. Особенно приятно им лакомиться горячей младенческой плотью, едва показавшейся из материнской утробы. Для того и топят жарко баню, для того разводят огонь и ходят вокруг с обнажённым клинком: отпугивают лиходеев.

Только старосте до того дела не было: он привёл в дом колдунью и боле утруждаться не собирался.

— Нож над огнём прокали, — напомнил Верд будто бы его дело вовсе не касалось. — Да дров в печь добавь.

— А ты что это раскомандовался?!

Благо тёща и вторая баба, видно, мать мужика, оказались посметливее: подхватились и бросились исполнять приказ. Только всё больше мешали друг дружке, сталкиваясь рыхлыми задами и переругиваясь, чем помогали. А нерадивый папашка нашёл развлечение: подлетел к незнакомцу, привстал на цыпочки, чтобы пихнуть его грязным пальцем в грудь.

— Чего раскомандовался, спрашиваю? Кто таков, чьих будешь, чтобы рот разевать в моём доме? Тебя звал кто разве? Ну? Отвечай!

Верд зевнул и быстрым движением выкрутил старосте руку. Да так сильно, что густой чёрной бороды аккуратно достало подмести пол:

— Жена, говорю, у тебя рождает. Иди подмогни, а не дурью майся.

Охотник не отказал себе в удовольствии поторопить мужика пинком. Тот, низко склонившись, добежал до противоположной стены, чудом не пробив её дубовым лбом, и только сильнее разозлился:

— Ты на меня руку поднять посмел?! Да я тебя!.. Да я...

Он сложил кулаки и неумело поводил ими в воздухе, навроде как угрожая.

— Печь, — напомнил Верд, не двигаясь с места. — Потухнет — худо придётся.

— Я тебе сейчас покажу худо, морда резаная!

Верд отшагнул в сторону, и на этот раз староста, взяв хороший разгон, всё ж таки долбанулся об стену и, рассвирепев, бросился на пришельца. Снова промахнулся и шиби с ног мамку, а та, заверещав, утонула в кучу-малу и тещу.

— Печь растопите, дурни! — повысил голос охотник, но кто ж его услышит за руганью и воплями. — Огледы налетят — сожрут всех!

Бесполезно. Верд плюнул прямо на пол и настежь распахнул дверь в комнату роженицы.

— Куда?! — взвыли вслед мамки, вдруг вспомнившие, что впускать мужей на таинство строго-настрого запрещено богами, но чихать он хотел на их слова. Сами наложили — сами пускай и разгребают. А подставляться за бесплатно он не намерен. Ушёл бы один, не задумавшись, но не бросить же колдунью: от её тощего тельца огледы и косточек не оставят, а у Верда на Таллу имелись совсем другие планы.

Вспотевшая, утирающаяся рукавом, в сползшем с одного плеча платье, она суежилась у кровати роженицы, щупая, заглядывая, куда не следует, нащёптывая ласково:

— Потерпи, Данушка! Ты сумеешь, милая! Давай, вдохни поглубже и ещё разок напрягись! — Она подняла на Верда чистые голубые глаза: — А ты здесь чего? Мужам нельзя...

Муж, которому нельзя, мотнул головой, точно отгоняя доставучего слепня, и молча стиснул запястье девушки. Потянул.

— Куда? — заупрямилась та, упираясь пятками и отклоняясь назад. — Да что с тобой?! Дана!

Охотник зло бросил, не оборачиваясь:

— Подохнет сейчас. Как и вся их семейка. Огледы летят.

— Как огледы? — ахнула колдунья, только сейчас сообразив, как озябла. — А печь как же? Надо дров добавить...

— Нету больше дров. Опоздали. Дерево не загорится, пока они не получают своего. Мы уходим, а эти как хотят. Ай! Дура, что делаешь?!

Отскочив, как дикая кошка, Талла почмокала губами, словно пыталась распробовать укушенную только что руку:

— Я остаюсь. Подойдёшь — вцеплюсь ещё куда-нибудь, где больнее. Неужто предлагаешь роженицу бросить?

Верд задрал рукав. Два полукруглых следа от зубов перечёркивали старые боевые метки.

— Дурная девка!

Нет уж, дудки! Некогда церемониться: через плечо упрямицу — и во двор! Кусаться удумала, гляньте на неё!

— Сказала, не пойду! — Девчонка единым прыжком перескочила полкомнаты, задрала юбку, взобралась с ногами в изголовье кровати и уложила голову Даны на коленях, погладила её волосы, утешая.

Верд не раз видел, как колдуют обладающие даром. Так свежий ветер обдувает горячий лоб в жаркий полдень, когда идёшь, увешанный доспехом, и уже ненавидишь палящее светило в небе.

Талла коснулась алых щёк роженицы, и невидимая сила проявилась, засияла сквозь её кожу, потекла ручьями по жилам, вытягивая, выпивая боль из тела женщины. Руки светились, как бледные голубоватые звёзды. Морщины на лбу Даны разгладились, мука перестала кривить лицо. Женщина задышала ровно, правильно, как наверняка учили. А Талла сидела, прикрыв свои голубые очи полупрозрачными веками, и знать не знала, что творилось вокруг.

А творилось худое.

Ещё недавно раскалённая печь перестала греть. Напуганные тётки успели выстудить избу или что похуже?

Метель взывала протяжно, жалобно. Словно и она испугалась того, что пришло пожить молодым мясом. По стенам заскребло, заскрежетало, зацарапалось... Оглоеды!

Верд ещё мог бы удрать в одиночку. Переждал бы у ближайших соседей, а то и вернулся бы к опустевшему жилищу колдуньи. Но он был из тех, кто не выпускает товар из рук и не бросает дело на середине. Поэтому охотник выхватил меч.

Пока он, стараясь не дышать и не двигаться, прислушивался, нутром угадывая, откуда явится враг, Талла приоткрыла и скосила один хитрый глаз. Тихонько облегчённо выдохнула: нечистая сила боится доброй стали не меньше, чем святого огня. Авось с таким защитником до утра никто живота не лишится.

Они налетели разом с четырёх сторон.

Размером с летучих лисиц, да только куда более зубастые и голодные. Стены не стали преградой для бесплотных духов: лишь жар сдерживал их, но теперь, поборов его, монстры готовились пировать.

Верд отогнал их круговым росчерком меча, придвинулся к постели и замер, следя за копошащимися в неосвещённых углах теньями.

Оглоеды взмахнули крыльями, разом, как одно неживое, разделённое на части существо, нападая с нескольких сторон, метя в беззащитное горло. Но воину ни к чему озиаться, рассматривать каждого врага. Он хребтом знает, когда заходят со спины. Охотник припал на корточки в последнюю секунду, кончиком меча вспарывая чёрное брюхо самого нерасторопного оглоеда. Тот завизжал и заметался. Из брюха дымными лентами свисали призрачные внутренности, бледнея и рассеиваясь от каждого движения. Остальные вторили: смерть одного — боль для всей стаи.

— Мамочка! — заметалась роженица. — Мамочка!

Окликнутая забарабанила кулаками в дверь: впустите! Да Верд метнулся раньше, загоразивая проход, подпирая плечом. Сунется кто — живым не уйдёт. Оглоеды вечно голодны и не чают тот голод утолить.

— Терпи, Данушка! Скоро, скоро закончится всё! Верд!!!

Едва успев обернуться, охотник рубанул сверху вниз, рассекая надвое зависшего у кровати нечистого.

— Бабы, — презрительно бросил охотник, поджимая губы: всё ж блестящие восторгом глаза юной колдуньи тешили давно очерствевшее самолюбие.

Он провернул клинок, ловя отражение затухающей лучины, направил солнечного зайчика в скопище хищников, разгоняя их, разделяя на части большое, целое и зубастое.

Понятливая Талла добавила ещё лучинку, вторую, третью — сколько нашлось. Лишь бы не потух живительный огонь! Лишь бы Бог с Ножом не отвернулся, уберёг!

Бог с Ножом, понятно, являться не собирался. И брат его, Бог с Ключом, и сестрица с Котлом — никому дела не было до измученной Даны, до противной божествам девки с даром.

И уж точно не собирались они выручать охотника без чести и совести. Пришлось Верду самому становиться защитником. Не с ножом, так с мечом. Чем хуже-то?

Взмах — и раненый оглоед падает на пол, чтобы рассыпаться золою.

Удар — и стонет, мечется роженица, визжит не хуже нечистика.

Свист — и Талла утешает, шепчет, подбадривает. И уже кажется, что не Дану, а Верда. Утирает холодный пот, касается губами лохматой головы. А по голубым сияющим нитям, что тоньше паутины, утекает из тела усталость.

— Ма-а-а-а-а-ама!

Верд провернулся на каблуке, сияющим кругом ударов отпугивая злодеев, а вопль женщины двоился, разделялся и продолжался. И в вопле слышна новая жизнь: молодая, горячая, требовательная!

Удар удивил и самого воина. Уж насколько он умел сражаться, насколько знал, когда сделать вдох, когда сигануть в сторону, когда прогнуться... Но меч, точно ведомый чужой рукой, показался вдруг вдвое легче лёгкого. Верд размахнулся, стиснул двумя руками рукоять и сделал страшное: расстался с оружием, бросил его, как палку какую, в тёмное облако, из которого шелестели крылья голодных духов.

Поймав отблески лучин, отражая голубоватое сияние ладоней колдуньи, меч распорол тучу в самой середине, точно упрямый солнечный луч. Талла торопливо свесилась с кровати, подобрала клинок, пока напуганные оглоеды не опомнились, и резанула пуповину.

Всё, родилась новая жизнь. Злыдни остались ни с чем, разлетелись голодными, а Дана, рыдая от боли и счастья, тянула руки: обнять новорождённую дочь.

\*\*\*

— Как... девка? — Староста так и сел.

Верд молча вытирал с меча чёрные подтёки, не слишком глядя по сторонам, но всё одно приметил, как бородач начал ощупывать пол возле зада, точно что-то пытаясь отыскать.

Отмывая окровавленные рукава в заледеневшей вблизи нечисти воде, Талла улыбалась:

— Так — дочка. Дана пока её кормит, а после можно и обнять чадушко.

Толстые грязные пальцы стиснули топорище, обнаруженное под лавкой:

— Как — дочка? — тупо переспросил староста. — Первенец! Сын должен быть! Как иначе? Иначе боги не завещали!

Колдунья отжала порозовевший рукав, задумчиво расправила: как домой в мокром-то идти? Дадут какое платье переодеться?

— Мало ли чего там у других. Ты не сердчай, староста! Тяжёлые роды были, сложные. Дана чудесное дитя привела в мир, так есть ли разница, благословили его боги али нет? Теперь хоть четверых, хоть целый выводок рожайте! К чему вам счастье Троиш, коли своего в достатке?

Топор перекочевал к старосте на колени. Давно ли так лежала на коленях у колдуньи голова его супруги?

— Четвёртого?! — взвыл мужик, сильнее сжимая оружие. — К чему нам благословение Троиш, спрашиваешь? А не ты ли, девка дурная, его у нас отобрала, а?! — Он тяжело, опираясь на скамью, поднялся, закинул топор на плечо — так, чтобы сподручнее его опустить на темечко виноватых. — Подменила мне сына, гадина? Ты, точно ты!

Тёща со свекровью, до того обмывающие Дану с дитём, в ужасе прижались к стеночке: ну как ещё на них кинется?

— Сынок, ты бы не сердчал... — неуверенно начала мать. — Талла подсобила, чем смогла. Чать не повитуха...

Но замолчала, когда лезвие глянуло в сторону её макушки. Тёща — та и вовсе не решилась перечить: она с топором знакома не понаслышке, так что под горячую руку не лезла, дабы потом не улепётывать по сугробам.

— Подсобила?! Подсобила она?! Дурная кровь у гадины, дурная! Прокляла наш род, плюнула Богине в Котёл! Привела в мой дом абы кого, мужика... мужика! Мужика к роженице впустила! Прокляла-а-а-а!

Он бросился на девчонку, как тот изголодавшийся нечистик. Вращая зенками, брызгая слюной... Прибьёт! С ходу прибьёт!

Верд, казалось бы, не замечавший обозлившегося папаши, выставил вперёд ступню, и мужик споткнулся, растянулся, выронив оружие. Оно аккуратно скользнуло к ногам Таллы, а та, не будь дура, подхватила юбки, перепрыгнула, оттолкнувшись от зада старосты, — и к выходу.

— Объявишься — убью! — Мужик вдарил кулаком по крепким доскам пола.

Талла кивнула: ясно, мол.

— Пошли, что ли? — нетерпеливо обернулась она к наёмнику.

Верд в последний раз провёл тряпицей вдоль лезвия:

— Далеко ли?

— А куда ты меня зазывал? За лучшей жизнью?

Охотник позволил мечу скользнуть в ножны и довольно хмыкнул.

— Не боишься?

Колдунья только руками развела:

— Ну не зря же меня дурной кличут...

## Глава 2

### На богов не надейся

Уж чего колдунья точно не ожидала, так это того, что не одумается к утру. Она ворочалась на печи, слушая такое мерное дыхание Верда на лавке, словно он и вовсе не засыпал. Крутилась волчком, передумывала, передумывала снова, и ещё раз... И всякожды решение казалось правильным, разумным, взрослым. Каждое из них: остаться или согласиться и ступить за порог с хмурым незнакомым мужчиной, разукрашенным шрамами.

Ясно, что староста её не зарубит. Чать не впервой бушуйнил. Да и не убивец он. Но вот останется Талла в деревне. Станет дальше лечить коров, роды принимать... Не как вчера, нет. Она обучится у повитухи, освоит мастерство. И, как знать, может когда-то сумеет себя переусилить и возьмёт за колдовство денег, а не муки али молока.

А потом состарится да помрёт. Одна. Потому как кто же возьмёт в жёны дурную? Каждому известно: с такими, как она, семьи не выйдет. Разве ходить в гости могут. Как сын кузнеца по прошлой весне. Да от каждого ли кадушкой с мёдом отобьёшься?

Талла свесилась с печки, пытаясь в неверном зимнем свете рассмотреть мужчину.

Страшный! Вот что днём, что во сне — страшный. Смуглый, как нечисть какая, седой, точно старик. И шрамы... Самый уродливый рубец брал начало под левым глазом, змеей сползал по щеке и делил надвое узкие, точно надломанные, губы. Такой не получают на охоте или по глупой случайности, только в бою.

— Хорош? — ухмыльнулся мужчина, не открывая глаз.

— Страшный! — озвучила Талла сокровенное, не успев понять, где явь, а где неслышные мысли.

— Какой есть. — Верд повернулся на бок, хоть до этого всю ночь мертвецом пролежал на спине и не шелохнулся. Пробурчал: — Страшный — подхватывай юбки и беги жалуйся старосте. Авось пригреет.

Девушка фыркнула и, ошупывая дорогу ногой в драном вязаном чулке, принялась спускаться. Вместо края скамьи неловко ступила мужчине на бедро. Тот только недовольно выдохнул и натянул одеяло до ушей: рано ещё вставать, вторые петухи небось не успели пропеть, хотя отсюда всё одно не слышать.

Колдунье же не спалось. Она тихонько, на цыпочках, ходила по избе, собирая пожитки. Нашлось до обидного мало: единственное вышитое нарядное платье, тёплые штаны, которые девушка, озираясь, чтоб Верд не подглядел, поспешила натянуть, рубахи да всякая женская утварь. Маленькая сума, до смешного маленькая. Неужто вся её жизнь сюда уместилась? И что же, усидит Талла в деревне, дотянет до старости, уйдёт, когда настанет время, к богам, а от неё только такая сума и останется? Ни сказок никто не скажет, ни добрым словом не помянет? Потому что кто ж упомянет простую деревенскую колдунью, которая только и делает, что за скотом смотрит да раз в месяц женщинам боль облегчает, прикладывая руки к чреву.

Она ответила наёмнику, что жила здесь, сколько себя помнила. Но малость утаила: помнила ведь и ещё кое-что. К примеру, сказки. Сказки рассказывала женщина с узкими, не чета трудолюбивым сельским бабам, ладонями. Эти ладони перебирали пока ещё недлинные волосы, сплетали их в косы... А в сказках колдуни были совсем другими. Сильными, смелыми. Они бы не чурались закинуть на плечо узелок, вскочить в седло да отправиться, куда глаза глядят. А куда они глядят, те глаза? Этого Талла пока не ведала. Но твёрдо подошла к спящему (или только притворяющемуся?) мужчине и пихнула его в бок:

— Пошли, что ли. Не стану печь топить почём зря. Новому жильцу дрова сгодятся.

Охотник лишь хмыкнул и откинул одеяло. Одетый, обутый и обнимающий меч. Он даже немного обрадовался, что не пришлось гоняться за перепуганной девкой и тащить её силком.

\*\*\*

Конюшня в деревеньке была общая, как и большинство лошадей. Вердова Каурка наелась, напилась и отдохнула. Пожалуй, слегка застоялась, но кто ж станет выводить скакунов в метель навроде вчерашней? Однако при виде хозяина и опостылевшей сбруи Каурка восторга на морде не изобразила. Обнюхала охотника, ткнулась носом в щёку, а после и в карман, куда хозяин загодя положил остатки хлеба от их с Таллой завтрака. Угощение заставило лошадь смилостивиться: седлай, что уж. Всё одно делать скаковой красавице с этими клячами нечего.

— Лошадка! — Пока охотник расплачивался за постой, девушка кинулась на шею удивлённому животному, принялась гладить, перебирать гриву, обнимать.

— Укусит, — предупредил Верд, пристраивая у седла небольшие сумки и перестёгивая меч.

Каурка, вспомнив, что, вообще-то, и правда может, цапнула зубами воздух вблизи тонких пальцев колдуньи.

— Она ещё и с норовом! — в восторге завизжала девушка, нетерпеливо прыгая на месте. — Можно я поеду? Можно? Ну можно?

— Дурная, — процедил Верд, подсаживая девчонку и устраиваясь позади неё.

— Это что?

— Не ёрзай.

— Как это мы так?

— Не ёрзай, сказал.

Но Талла не успокаивалась, с непривычки не умея примоститься удобно:

— Она что же, нас обоих повезёт?

— Нет, — окрысился Верд. — Я рядом побегу, за стремя только ухвачусь!

— Тяжело же...

Мужчина хмыкнул: тоненькая колдунья весила как иной ребёнок. Каурка, привычная к долгим переходам и тяжёлому доспеху, её и вовсе не заметит. Если, конечно, девчонка перестанет тянуться к беспокойно шевелящимся ушам.

— Уй! Укусила! — восторженно завизжала Талла, показывая едва задетый губами палец. — Как есть укусила! Как я тебя вчера!

Верд всё-таки пожалел, что не огрел колдунью и не повёз, завернув в мешок и перекинув через седло покорным и, главное, молчаливым кульком.

Тем более что дорога не задалась. Сказать по правде, лошадь не слишком-то и скользила, но копыта по запорошённой давешним снегопадом тропе передвигала без охоты.

Верд, ясно, злился. Не на такой путь он рассчитывал. По утопанному широкому тракту Каурка домчала бы их вмиг, а сколько придётся петлять по сугробам, выбираясь из глуши, — только Троице Богов и известно. Лошадь всхрапнула и вильнула в сторону, провалилась задней левой ногой едва не до самого крупы и взбила целую тучу снежной пыли, пока выбиралась.

Сплюнув мгновенно растаявший от тепла тела снег, Верд замахнулся огреть нерадивую клячу...

— Ты чего? Не трогай лошадку! — Талла вцепилась в рукав, едва не свалившись под копыта и тем самым не понизив свою стоимость вдвое.

— Дура! — зло выругался охотник, за шкирку втягивая девчонку обратно в седло.

— Сам дурак! — огрызнулась дурная, обнимая скакунью. — Небось если бы ты нас с Кауркой на спине вёз, тоже не сильно радовался!

— Хочешь пойти пешком и облегчить её ношу? — ухмыльнулся мужчина, отставляя руку: дескать, соскакивай, не держу.

— Ну и пойду!

Забыв хоть чуть поработать головой, она скакнула вниз и тут же, промахнувшись мимо тропки, увязла в сугробе по пояс.

— И вот по этой дороге прямо, — подсказал охотник, отвязывая и бросая вниз узелок девчонки.

Выждал немного, пока охолонёт, извинится и попросится обратно. Но Талла непреклонно сложила руки на груди и только сверкала глазищами, точно двумя обледеневшими озёрами посреди снежной пустоши. Верд даже проехал вперёд пару саженей, ожидая, что дурёха образумится, завизжит и замолит о помощи. Не осаживая лошадь, глянул под локтем: пыхтит ли, пытается ли выползти на ровное. Колдунья, не шелохнувшись, выжидательно смотрела в спину охотнику, точно не в сугробе сидела, а на мягкой перине нежилась.

— Вёрст эдак тридцать до ближайшего селения, — едко добавил Верд, остановившись якобы для того, чтобы поплотнее натянуть рукавицы: метель успокоилась, но на смену ей пришло безоблачное небо и такой морозец, который в силах прилепить веки к глазам. А дурная упрямится, ждёт, чтобы застудиться и ещё больше усложнить путешествие!

Талла горестно шмыгнула и вытерла нос задубевшим рукавом. Помрёт, как пить дать помрёт, и останется это на совести жестокого, бессердечного наёмника, выманившего наивную пигалицу из родного дома...

К тому ж мёртвые колдуны на рынке не в цене, а отморожившие ноги всяко стоят меньше цельных.

Мужчина осторожно, чтоб тоже не увязнуть вместе с Кауркой, развернулся. А Талла, хитро сверкая глазищами, вытянула руки, позволяя себя спасти. Верд вздёрнул её за ворот душегреи, пуговицы пугающе затрещали, но выдержали.

— Не бей больше лошадку, — велела колдунья, старательно копируя интонации хмурого спутника. Словно переспорила, убедила чурбана в своей правоте. Верд приподнял брови и помог нахалке, перекувырнувшись в воздухе, снова нырнуть в сугроб. На этот раз наверху остались тонкие ножки и валенки, доверху набитые снегом.

Вдругорядь уютившись на лошадиной спине, Талла отчётливо простучала зубами:

— Ладно, поняла. Ты главный. Но Каурку всё равно не обижай.

Охотник с трудом пересилил себя и не отправил колдунью доучивать урок. Впрочем, колотить кобылу он всё равно не собирался: чать не один день ей ещё везти поклажу.

Что девчонку нужно хорошенько приодеть в дорогу, Верд понимал, ещё только выезжая с ней из деревни. Но искать подходящие для верхового сапоги и плащ, защищающий от непогоды почище медвежьей шкуры, — дело долгое и хлопотное. Колдунья могла решить, что рискованное путешествие такой мороки не стоит, передумать. Теперь ей деваться некуда. Стало быть, можно отовариться в селении, примеченном загодя. Местечко немалое, жители ажно собственный храм заложили. Найдётся и торговец, и работа, чтобы товар оплатить. Да и ночевать в лесу в такую стужу, какую обещало чистое, искрящееся небо, удовольствие сомнительное. Поэтому охотник, не задумываясь, свернул туда, откуда паутинами тянулся дым из труб.

Вовремя, надо признать. Колдунья ёжилась, неосознанно плотнее прижималась к спутнику, дышала на озябшие пальцы.

— Не сдохни мне тут, — предупредил охотник, насильно надевая на её тонкие рукавички свои: тяжёлые, огромные, хоть сразу две кисти засунь!

— Мне не холодно! — попыталась возразить Талла, но тут же получила болезненный щелчок по пунцовому кончику носа.

— Поговори ещё — мигом в сугроб полетишь!

Каурка, больше всех утомившаяся за день, скептически покосилась на наездника. Копытная взяточница с ходу сообразила, что девчонка не скупится ни на ласку, ни на угощение, может втихаря сунуть сухарик под нос или вкусно поскрести у челюсти. А потому между суровым мужиком и ласковой девчушкой не выбирала. Якобы случайно она припала на задние ноги аккурат в тот момент, когда Верд отпустил поводья. Талла ухватила за шею и удержалась. Охотник кубарем свалился на землю под ехидное ржание, мгновенно сменившееся выражением преданности на морде.

Задумчиво почесав отбитый зад, Верд изрёк:

— Не бить лошадку, говоришь? Я не буду её бить. Я её мяснику продам.

— Она просто устала!

Каурка непонимающе и подчёркнуто искренне взмахнула ресницами. Переступила на месте и повернулась к отряхивающемуся хозяину, чтоб тому удобнее было забираться обратно.

— Нет, спасибо. Дальше я пешком. — Мужчина легонько шлёпнул мерзавку по морде и оставшуюся версту шагал сам, втайне с огромным наслаждением разминая затёкшие ноги и место их соединения.

Без Верда Талла постоянно съезжала то на одну, то на другую сторону седла, не дотягивалась до стремян и так страдальчески кривилась, что и Каурка могла обзавидоваться. Последняя то и дело виновато тыкалась носом в плечо хозяину, но тот не оборачивался.

— Ну Ве-е-е-ерд! Ну я же соскальзываю! Ну мне холодно одной! — Девчонка болтала ногами, от чего держалась на лошади ещё менее крепко.

— А ты пробегись — мигом согреешься.

Шутки шутками, но Верд не просто так усадил колдунью всем на обозрение. Не шибко хорошо лишний раз привлекать внимание, того и гляди королевские прихлебатели явятся. Ну да от Больших Храмовников до короля ещё попробуй доберись. Пока весточка дойдёт, их с Таллой уже и след простынет. Ну и, сказать по правде, в сёлах никто особо королю не докладывает. Всяко магическая помощь здесь и сейчас ценнее, чем благодарность от правителя когда-нибудь потом. А то ещё и по шее схлопотать можно за недостаточную расторопность: как так, дурная в селение заглянула, а вы её не задержали, в погребе не заперли? Не дело! Потому охотник не волновался, а напротив, демонстрировал добычу всем и вся, придерживая Каурку за повод и неспешно пересекая деревню. Пока прошли от тяжёлых, но настежь распахнутых ворот до храма, блестящего от облепившего камни инея, Верд уже заметил трёх или четырёх особо заинтересовавшихся товаром людей. Глядишь, не только на тёплую одежду заработать удастся, но и про запас чего оставить.

— Как посмело ты, наглое, неугодное богам отродье, войти в ворота славного селения?!

Из храма, смешно шаркая пушистыми тапочками, прикрыть которые у рясы не доставало длины, выскочил сначала живот, а потом и сам служитель. Не решившись соступить с порожка на неубранный покамест снег, он одёрнул передний край одеяния, дабы спрятать непотребство, но ткань сразу же снова собралась складками у брюха и обнажила обувку. Служитель принял позу оскорблённой невинности, заломив руки и отставив носок одной ноги, и обратился к небу:

— Бог с Ножом, оградитель и защитник, как ты допустил подобное святотатство? Колдунья, противная тебе, вошла в наш благословенный дом...

— Так у вас же ворота не заперты, — обезоруживающе улыбнулась Талла.

Толстячок недовольно зыркнул в сторону хамки, посмевающий нарушить его аудиенцию с богами, и продолжил играть на публику, коей собралось уже немало:

— Бог с Ключом, покровитель и кормилец, неужто жертв и молитв оказалось недостаточно? Ты решил испытать нашу веру, приведя в святую обитель эту противную тебе тварь?

— Но-но, — негромко, но веско вставил Верд.

— Эту дурную кровь, — поправился служитель.

Толпа, с большим интересом наблюдавшая за началом представления, сообразила, что ничего нового не услышит, и начала многозначительно безмолвствовать, зябко переминаясь на месте.

— Господин Санторий, — робко донеслось из задних рядов, — а мы сегодня линчевать дурную девку будем?

Патетично возведённый к небу взгляд оратора метнулся к Верду. Охотник осклабился и сложил руки на груди: линчевать, говорите? Ну-ну, попробуйте. Служитель равнодушно перевернул пухлыми плечами и вернул взгляду праведную затуманенность:

— Разве имеем мы право судить тех, кого боги покамест не успели покарать? Разве Богиня с Котлом не завещала всем и каждому...

— Тогда мы пойдём, пожалуй, — заключила толпа. — Холодно. Да и вечерять пора. Помнится, господин Плессий нас по морозу не созывал...

— Грешники! — Короткий палец ткнул в самую гущу скопища. — Господин Плессий был слаб духом! И ваши слабости поощрял! Проповедь очищает, готовит ко встрече с богами, а вы предпочитаете пище ума животную трапезу?!

— Отчего ж токмо животную? — резонно возразил народ. — Мы и растительную того... В общем, пойдём мы, господин Санторий. Не обессудьте. Завтра с самого утра вашу проповедь и послушаем. Небось не устареет.

Ещё с минуту служитель пучил глаза и возмущённо тыкал перстом в безоблачное небо, откуда почему-то не спешили спускаться и карать неразумную паству (а заодно вознаграждать верного слугу) терпеливые боги. Поэтому перст переместился чуть правее, чтобы указать на грудь хмурого мужика со шрамом, перечёркивающим добрую половину лица.

— А вы, проклятые Тремя глупцы, — начал служитель столь же вдохновенно, но мотнул головой, перестраиваясь, и закончил буднично и вполне доброжелательно: — зашли бы внутрь, а то я уже пяток не чувствую.

Верд не заставил просить себя дважды. Только спихнул с седла колдунью и вручил вертящемуся рядом мальчишке-конюху повод Каурки. Пацан протянул обветренную ладонь, и охотник с готовностью пожал её. Мальчишка растерянно уставился на руку, в которой, как ни крути, не появилось ни монетки.

— Сделаешь всё как надо, получишь вдвое больше обычного, — предупредил охотник. — А увижу, что схалтурил... — Верд криво улыбнулся, чем сразу же добавил халтурщику трудового энтузиазма.

Забрав поклажу, охотник, наконец, позволил себе, а заодно окоченевшим Талле и Санторию спрятаться от холода в храме.

— Проклятый Тремя глупец ещё не решил начать праведную жизнь и посвятить себя служению высшим силам? — торопливо, приплясывая от холода, уточнил толстячок.

— Может, как-нибудь потом, Санни.

Верд бросил на пол сумки и с готовностью раскрыл объятия.

— Вот и чудненько, а то я поставил греться вино, как только увидел тебя из окна.

Благочестивый служитель храма по-дружески облапил гостя и не иначе как при помощи колдунства достал из рукава аккуратненькую, но вместительную фляжку. Приложился, сыто крякнул и пустил по кругу.

— Тоже мне, слуга богов, — усмехнулся Верд, внося посильную лепту в уничтожение греховой жидкости.

Талла со всей внимательностью досматривала рясу служителя, выясняя, откуда возникла и куда исчезла фляжка, а главное, как под тканью уместилось блюдо с наскоро нарезанными бутербродами. Последнее делала, уже снимая пробу с яства, дабы удостовериться, что коварный служитель не обманул её зрение.

— Божественное чудо, не иначе, — пришла к выводу колдунья.

Храм оказался хоть и здоровенным, но на три четверти заброшенным. Санни заботливо вручил гостям веник, чтобы отряхнуться от снега, после чего ещё долго петлял тёмными коридорами, прежде чем вывести в просторную залу с приторным запахом благовоний.

Лица Троицы Богов на многочисленных гобеленах, закрывающих трещины в каменной кладке, выражали тщательно скрытое раздражение и чётко отмеренную безмятежность. Ключ, Нож и Котёл в алтаре, которым полагалось бы сиять золотом, мерцали тускло, едва ловя отражение свечей.

— Пустовато у тебя, — отметил Верд. — Где же толпы страждущих благодати?

Санни торопливо что-то прожевал, походя поправил покосившуюся свечку, грозящуюся подпалить тканую длань богини, и махнул рукавом:

— По домам сидят, жалуются на раннюю зиму. Как Плессий пропал, вовсе ходить забросили. А вот молились бы летом усерднее, жертвовали бы монетку-другую на храм...

— Тогда что? Погреба стали бы полнее у них?

— Этого я знать не могу, — с достоинством ответил толстячок. — Зато скромный служитель не задавался бы вопросом, как пережить ближайшие полгода.

— Талла, прекрати расковыривать алтарь! — одёрнул колдунью Верд.

Но дурная, ничуть не смутившись, сунула ему под нос кривую куколку, слепленную из накапавшего на подсвечники воска:

— Глянь, это ты!

Изображение охотнику не польстило, и он в сотый раз напомнил себе, что за придушенную (даже немножечко!) колдунью платят меньше, чем за полноценную.

— А у девушки определённо есть талант, — оценил работу Санни и, гнусно захихикав, откинул ткань с посечённым молью изображением Котла. Изображение оказалось символичным: за котлом обнаружилась дверца в жилую часть храма и кухню. — Проходите, гости дорогие!

— Иди-иди, — поторопил спутницу Верд. — Здесь тебя линчевать некому. Санни — мой старый добрый недруг.

Служитель сложил ладошки у груди, попытавшись скопировать позу и укоризненный взор Бога с Ножом:

— Я лишь не оставляю надежд наставить заблудшую душу на путь истины и увести подальше от греховной доли.

— Попутно помогая мне разделять тяготы греховного существования, — охотно поддакнул Верд, по-хозяйски заглядывая в котелок. — Вино согрелось.

— Душа сильна, но тело слабо, — тоненько пропел Санни, подставляя кружку.

Талла устроилась на краю широкой скамьи, некогда вмещавшей целый десяток братских закалённых молитвами задов, и, скинув валенки, с огромным удовольствием прислонила ступни к печке.

— Моё тело тоже слабо, и мне налейте, — попросила она.

Верд приподнял бровь, но справедливо рассудил, что девица выросла в деревне, а стало быть, чего-чего, а пить умеет. Зря, как выяснилось позже.

Наметав на стол скудную, по меркам среднестатистических храмовников, трапезу (пара колец копчёной колбасы, кадушка квашеной капусты, запечённая репа и остатки холодной жирной каши), Санни опустил пышный зад напротив Таллы и поинтересовался, глядя на неё, а не на Верда:

— Какими судьбами в наших краях, старый недруг? Неужто всё же решил взяться за очищение души?

Охотник отхватил добрую половину колбасного кольца за один укус и сделал большой глотокпряного согревающего напитка.

— Насчёт души не скажу, а вот с телом можно попробовать. Баньку нам растопишь, Санни?

— Я что, постоянный двор? — взбунтовался тот. — Или бесплатная obsлуга? Может, ещё и штаны тебе постирать?

— Если не затруднит, — невозмутимо кивнул Верд. — На постоялом дворе денег хотят.

— Так и я хочу!

— Тебе не полагается — ты служитель храма.

— Вот на его-то нужды мне и надо! Нынче, чтобы возжечь огонь веры в сердцах страждущих, знаешь ли, нужно хорошо так вложиться! Чтобы на каждом углу менестрели про тебя легенды складывали, чеканной монетой поделиться призывали...

— Это те, которые пели про служку, нажавшегося в «Трёх поросятах» так, что его приняли за четвёртого?

Охотник невинно рассматривал короткие обгрызенные ногти, словно ни на что не намекая, но Санни всё равно вспыхнул:

— Невозможно прийти к свету, не изведав тьмы!

— И как, хороша она на вкус?

Талла крутилась, поворачиваясь то к одному спорщику, то к другому, и наконец заключила, напрягая губы, чтобы не рассмеяться:

— Знаете, мне почему-то кажется, что вы друзья.

— Нет!

— Даже не близко! — хором возразили мужчины.

— Значит, показалось, — покорно согласилась колдунья, пряча хитрющую улыбку.

Верд смерил Санни и Таллу пристальным взглядом и осторожно, тщательно подбирая слова, сообщил:

— Девчонку вот взялся проводить. Путник из неё, правда, смех и слёзы. Купить бы приличной одежды да тёплые сапоги.

— Побойся богов! — Толстячок вскочил с места, шлёпнув на стол пухлые ладошки. — У самого в закромах ни медьки!

— Я похож на побирушку? — холодно поинтересовался охотник. — Нам нужна работа. Служитель деловито надул щёки и сцепил пальцы поверх пузика:

— Ну ты же понимаешь, что в моём селении неуютное богам колдовство творить никак нельзя...

— Разве я спрашивал разрешения?

— Не припомню ни единого такого случая. — Санни едва успел схватить последнюю колбасину с тарелки и одобрительно зачавкал. — Ладно уж, — смиростивился он, облизывая пальцы. — У меня есть работа. Но не для девушки, а для тебя.

Верд долго рассматривал отборную (в смысле, отобранную у приятеля) половину колбасного кольца и будто бы нехотя подпихнул её к Талле. А то тощая такая, того и гляди кони двинет. Бросил, чтобы его вдруг не сочли излишне жалостливым:

— Вот у кого задница мёрзнет, тот пускай и зарабатывает себе на сапоги.

— Давайте! — Колдунья с готовностью подскочила: хоть сейчас за работу! — По хозяйству помогу, за живностью могу приглядеть!

— И чем же ты поможешь, деточка? — как к болящей обратился к ней Санни. — Коров пасти? Самое время. Доить? Так чужачку ни одна хозяйка к животине не подпустит. Танцы вокруг стада танцевать станешь?

— Почему же? — Талла изобразила, что убаюкивает младенца. — Я их могу обнимать и целовать! В нос!

— Под хвостом ещё поцелуй, — сплюнул Верд, прикидывая, что, если дура сейчас же не доест мясо, придётся ей помочь.

Бурчал охотник больше по привычке. Если уж сказать честно, примерно так он работу колдуньи и представлял: поцелует, погладит, тем самым вытянет хворь, если какая змеей затаилась под шкурой.

— Ладно уж, какая у тебя работа, Санни? Помогу по старой памяти.

— Суцая безделица, право! — Окончание фразы служитель пробулькал в кружку с вином: — Идетохаме аася уутоерь.

— Чего?

— Идетохаме аася уутоерь! — прогудела кружка чуть более раздражённо.

— Санни, кончай придуриваться! Что у тебя случилось?

Господин Санторий поднял очи от вина и поспешил перевести их на забытую всеми кашу.

— Где-то в храме завёлся лютозверь.

И залпом опустошил чашу, точно это могло хоть как-то спасти ситуацию.

— А может, я лучше корову под хвост поцелую? — прозвучал робкий голосок Таллы в напряжённой тишине.

## Глава 3

### Не всякий зверь — лютый

Как оказалось, пить Талла не умела. К сожалению, Верд осознал это только тогда, когда что-то делать стало уже поздно.

— Вези меня, мой верный конь! — С третьей попытки колдунья выбрала из нескольких двоящихся Вердов правильного и попыталась взобраться к нему на плечи, одновременно указывая путь в глухую стену. Афера не удалась, но попытки девушка прекращать не собиралась.

— Женщина есть греховный сосуд, способный токмо уводить мужей с пути истинного, — икнул тоже изрядно захмелевший Санни. — И я вообще-то оскорблён, что его, — навалившись пузиком на стол, он ткнул охотника в грудь, — его ты с пути уводишь, а меня нет! Мой путь всяко праведней!

— Рожей не вышел, — польщённо хмыкнул Верд, в очередной раз ссаживая Таллу на скамью. — Угомонишься ты или нет, дурная?

Девушка активно замотала головой:

— Нам сегодня лютозверя ловить! Мне угонима... у-го-ни-ма-вы... тьфу! Никак нельзя, в общем!

— Нормальных не нашёл, — ответил охотник на безмолвный вопрос служителя. — Видать, теперь все колдуньи малость на головку пришибленные.

— И ничего я и не пришибле... ой!

Сверзившись, Талла внезапно поняла, что устроилась невероятно удобно, а потому, не теряя времени, тут же и уснула: с раскинутыми руками и заброшенными на лавку стопами.

— А вот теперь, пожалуй, немного пришибленная, — сонно пробормотала она.

— Если каким-то чудом я доведу её живой, — Верд приподнял и сбросил на пол сначала одну, потом вторую ногу колдуньи, — пожертвую твоим богам золотую монету.

— Так уж и золотую? — Санни обнюхал опустевшие чашки и с тоской признал, что ни в одной из них не осталось ни глотка хмельного.

— Ну на медьку они рассчитывать точно могут, — хмыкнул охотник, перекидывая ровно посапывающую девчонку через плечо. Вот так бы её и везти: тихая, спокойная, не суетится и не задаёт глупых вопросов. — Показывай, куда эту ненормальную положить. И давай о деле. Лютозверь?

— Шалит с полгода как. — Служитель побежал впереди, пузом распахивая двери. — Летом не слишком-то беспокоил, видать, всё больше по полям бегал. А как похолодало, обосновался в храме. Пока Плессий, да обрадуются ему боги, был с нами, прихожане толпились здесь днями и ночами. А нечистые твари не любят толпы, потому и не совались. Но одинокий служитель — лёгкая добыча.

Он обеспокоенно ощупал живот.

— Знаешь, Верд, мне иногда кажется, что лютозверь охотится за мной лично. Других смертей в деревне пока что не было. Куры пропадают, двух телят не досчитались. А люди все в целости, даже никто по пьяни в колодец не свалился или не заплутал в лесу.

Санни пошёл медленнее, чтобы поравняться с приятелем. Поджал губы, точно очень хотел, но не мог сказать что-то важное.

— Совсем молоденькая, — отметил он, кивая на мотающуюся туда-сюда белоснежную косу колдуньи.

— А дури на десяток старух хватит. Не отвлекайся. Размеры? Когда появляется?

— Я видел его только издали и в темноте. А потому, сам понимаешь, показался не меньше быка. Верд, я обещал впредь молчать, но...

— Вот и молчи! — рявкнул охотник. — Наши пути разошлись. У тебя своя работа, у меня своя. И мы поклялись не учить друг друга жизни.

— Но девочка же...

— Вполне себе взрослая! Ей замуж давно пора, а не в одинокую знахарку играть! Благодаря мне она устроится куда как лучше, чем в своей избушке! У неё в стенах щелей было больше, чем брёвен!

— И что же, лучше стать куклой для какого-нибудь богача?!

Руки Таллы мотнулись, точно и правда были кукольными. Она пробормотала сквозь сон что-то ласковое и поёрзала на широком плече.

— Да. Лучше, чем дожидаться, пока в голодный год односельчане сдадут её королю и порадуются казни.

— Она хоть знает, сколько ты за неё получишь?

— Не нужно, Санни. — Верд остановился и прошил служителя взглядом, точно прибывая к старому гобелену. Спокойно, но веско. Без лишних слов, одними раздувшимися ноздрями давая понять: друг или нет, но святоша лезет не в своё дело.

Толстячок и не попытался выдержать суровый взгляд. Сразу наклонил голову, сдаваясь, и прошептал:

— Я понял тебя. Лютозверь появляется после полуночи. Откуда-то с северной части храма, она уже лет пятнадцать как нежилая...

Верд удовлетворённо кивнул: кажется, Санни и правда всё понял.

Значит, после полуночи... Несколько часов кряду пялиться в темноту, фантазиями взращивая мышинный шорох до скрежета слюнявых челюстей точно не стоит. Но и засыпать, если по-хорошему, тоже нельзя. Потому охотник позволил себе слабость: всё-таки потребовал баню, дабы, в случае чего, монстра не слишком мучило несварение.

— А то за такую трапезу лютозверь тебе спасибо не скажет, — добавил он.

— Не о телесной чистоте нужно заботиться, а о духовной, — нравоучительно изрёк Санни.

Верд демонстративно принялся:

— То-то я чувю, ты давненько не предпочитал духу тело...

— Хватит с тебя и бадьи, — вспыхнул служитель, украдкой занюхнув подмышку и тут же брезгливо поморщившись. — Сам воды нагреешь и наносишь. Не знатный господин.

Охотник ухмыльнулся: проси гору золота, если хочешь получить хоть один кошель. Это правило он усвоил давно. Потребуй он у Сантория сразу бадью, получил бы таз с холодной водой. Не благородный господин, правда что.

Санни он отправил греть воду. Служитель заупрямился: как так, оставить невинную деву наедине с беспринципным наёмником?! Но, когда Верд охотно предложил ему присоединиться в качестве третьего, смутился и сбежал.

Колдунье выделили одну из многочисленных пустующих келий. Давненько подсвечники храма не звенели от слаженного хора братьев. Видно, достоинства праведного образа жизни уступили соблазнам мирского. Неудивительно, что в пустынном каменном мешке завелась хищная тварь. Больше странно, что одна. Лютозвери редко наслаждаются уединением, предпочитают собираться в стаи. И вот тогда-то против голодной своры не поможет ни меч, ни тем паче молитва.

Комнатушка Талле досталась прохладная и уж точно не уютная, но с крепким засовом на случай, если нечисть унюхает лёгкую добычу, и толстыми стенами.

Не слишком осторожно сбросив ношу на кровать, Верд приостановился. Выругался сквозь зубы, порывлся в пыльном сундуке и небрежно набросил поверх свернувшейся клубочком девушки тонкое одеяло.

— «Совсем молоденькая», — вполголоса припомнил он слова Санни и недовольно резко выдохнул: у молоденьких девочек, небось, слишком мелкая рубашка не топорщится на груди, а завязки не расходятся в стороны, маня проверить, что там за ними спрятано. Была бы девка умная, выскочила бы замуж в этом году, а то и парой лет раньше. Красивая ведь, хоть и дурная. Небось нашёлся бы олух, согласный связать себя с неудобной богам колдуньей. И, может, тогда Талла была бы в безопасности: мужних ищейки короля почти что и не проверяют. Всем известно: дурная в семье — горе на весь род, да к тому ж и потомством обзавестись не выйдет.

Но устроилась бы! Жила спокойной жизнью, а не ёжилась на твёрдой кровати, точно продрогший зайчишка! Дура!

Верд не удержался, присел рядом и, демонстративно глядя в сторону, подтянул повыше одеяло, закрывая проклятую шнуровку под тонкой девичьей шеей. Постарался не задеть ладонью, даже случайно. Кто её знает, колдунью эту? Лежит, что тонкая ледяная статуэтка: красивая, нежная. Так и тянет обвести пальцами вздёрнутый носик, смешливо поджатые губы, жилку на шее, ныряющую за ворот... А тронешь — растает. И нету красоты. А то ещё уронишь случайно, разобьёшь на мелкие кусочки, и никто так никогда и не увидит, не узнает, что была на свете эдакая невидаль.

Её бы на полку, чтоб никто не трогал, да на ключ в дальней комнате. Кукла... Красивая будет кукла. У кого-то.

Резко мотнув головой, охотник отвернулся, убрал с лица прядь пепельных волос, как нарочно всегда лезущих в глаза. Не про него такая кукла, нечего и разглядывать.

Больше не оборачиваясь, размашистым шагом вышел из кельи.

Другое дело — горячая вода! Вот это радость для таких, как он! Охотник уже и не помнил, когда в последний раз доводилось не наскоро ополоснуться над ведром, а то и над ледяным ручьём, а с наслаждением скинуть штаны и целиком погрузиться в бадью. Да в жаре, не хуже бани! В закутке на кухне, отгородившись занавеской, чтобы тепло медленнее уходило, спиной чуя пытение печи... Старые шрамы, обласканные мыльной водой, кажется, стали ныть чуть меньше, а уж какая благодать для изнурённых долгим путешествием мышц! Точно женщина ласкает, гладит напряжённые плечи, дышит в ухо.

Непростительная слабость! Но Верд так и не заметил, когда задремал.

Наверное, сон был очень приятным. Глубоким и тягучим, как золотистые ленты мёда, похожие на жидкое солнце. Они стекали по спине, щекотали лопатки. И ветер пах весной и талым снегом, путался в волосах, тянул за ухо... Упорно тянул, терпеливо, до боли...

— Верд! Ве-е-е-ерд! — шёпотом звал ветер.

Тело среагировало быстрее, чем проснулось. То не ветер дёргал его за ухо, лохматил волосы и тряс плечо.

— Верд! А-а-а-ай!

Кого другого, наверное, удалось бы только сбить с ног, чтобы выгадать мгновение дотянуться до меча. Но Талла, лёгкая, тонкая, да к тому ж ещё слегка пошатывающаяся после хмельного, с воплем плюхнулась прямо в бадью.

Трепыхаясь, озираясь, не успев сообразить, что произошло, она визжала, вместо того чтобы выглянуть из-под слипшейся чёлки и удостовериться, что всё в порядке.

— Убива-а-а-ают! Убивают же?! — неуверенно уточнила она.

— Да кому ты нужна! — простонал мужчина, которого поганка ушибла в единственное покамест убережённое от травм место.

Талла замолчала так же резко, как начала орать. Замерла, аккуратно поделила чёлку пополам, словно раскрывая занавески:

— Ой, так я, выходит, зря перепугалась?

Рассмеялась, как ни в чём не бывало плюхнулась в воду, изрядно её при этом расплескав, откинулась назад и невозмутимо поинтересовалась:

— Ты тут как?

— Пока ты не явилась, был в порядке, — прорычал охотник, попутно отмечая, что мыла в бадье почти что и не осталось.

Талла развела руками, от чего старательно нагребённая Вердом пена снова разлетелась по краям:

— Я не виновата. Показалось, пыхтит кто-то за дверью, я и пошла тебя искать.

— Вместо того, чтобы запереться и не высовывать носа?

— А вдруг бы с тобой что-то случилось? — лукаво подмигнула колдунья.

— Со мной и случилось! — Верд сгоряча шлёпнул по воде и подумал, что, если так и дальше пойдёт, сидеть ему в пустой бадье голым под надзором синих глаз. А учитывая, что кипяток совсем остыл, пока он дрых, сидеть будет крайне обидно. — Ты со мной случилась, ненормальная! Пошла вот отсюда! Хоть бы смутилась для приличия!

— А то я не знаю, где в мужской бане глазок проделан, — фыркнула колдунья. — Напугал, тоже мне.

И тут охотник разозлился. Девчонка ещё не поняла, что он с ней не шутки шутить собирается? Он подался вперёд и навис над ней, заставляя либо нырнуть, либо зажмуриться, чтобы спрятаться от колючего взгляда:

— Послушай, девка. Ты, видно, ещё не уразумела, с кем связалась. Я не друг тебе, не побратим и уж точно не муж. Я лишь не хочу, чтобы ты сдохла раньше, чем доберёшься до города. Но, честное слово, если это всё-таки случится, не слишком расстроюсь.

Её рот приоткрылся, вот-вот мелко задрожит и выпустит наружу накопившиеся рыдания! И польётся рекой всё, что девчонка сдерживала раньше: все страхи, обиды, всё одиночество выплеснется, как вода из бадьи!

— Поняла?! — гаркнул Верд, сердито засопев.

Колдунья едва заметно опустила подбородок, кивая, но остановилась. Уставилась исподлобья и... улыбнулась.

— А мне кажется, — и голос её был твёрд, точно говорила немолодая прошаренная баба, а не напуганная девка, — что я нужна тебе едва ли не больше, чем ты мне. Действительно считаешь, что я жила в своей избушке на отшибе и знать не знаю, кто такие охотники?

Улыбка стала шире. Верд хотел ответить что-то. Что-то резкое, злое, что-то, что заставит колдунью замолчать... Но она набрала в грудь воздуха и нырнула, выражая полнейшее пренебрежение мнением мужчины.

Вода словно мгновенно нагрелась. Верд выскочил как ошпаренный, а Талла как ни в чём не бывало вынырнула, утёрла лицо и поднялась в полный рост. Тонкая рубашка облепляла тело, мешала перенести бледную ножку через бортик. Колдунья невозмутимо ступила на пол, ничуть не заботясь о стекающих на него струях, глядя прямо на Верда, нащупала утиральник на печи, промокнула волосы, скомкала и бросила охотнику. Ну и кто тут теперь жертва?

— Ну всё, девка, — он обвязал полотенцем бёдра и угрожающе шагнул вперёд, — зарва-лась.

Она округлила глаза, от чего они ещё больше стали походить на ледяные озёра, и шумно сглотнула слюну:

— Ой-ёй.

— Иди-ка сюда, — почти ласково позвал охотник.

— Ёй-ёй-ёй! — продолжила девушка.

— Сюда иди, сказал! — рыкнул Верд, делая резкое движение и подсекая рыбку.

Талла завизжала, бросилась влево, пытаясь обогнуть мужчину, поскользнулась на натёкшей мыльной жиже. Мгновение, когда мужчина заломил ей руку, не давая двигаться, колдунья и вовсе упустила. Он приподнял её, давая касаться пола лишь носочками, и хорошенько припечатал ладонью по ягодице.

— Наглых девок полагается учить уму-разуму, — напутствовал он, шлёпая во второй раз. Талла пискнула, дёрнулась, но куда там?! Не вырвешься! — Девкам, которые никак не уразумеют, кто в отряде главный, науку передают оплеухами.

Шлепок!

— Ай! Ну хватит, хватит! Я всё поняла! — взмолилась Талла, пытаясь вывернуться.

— Что ты поняла?

— Что ты сильнее, упрямее и дурнее! — вырвалось у неё. Колдунья тут же прикусила язычок, но сказанного не воротишь.

— Сильнее? — Шлепок! — Это да. Упрямее? — Шлепок! — Точно! Как ты там дальше сказала?

— Уи-и-и-и! — прохныкала Талла. — Дура-а-а-ак!

— Я в умные и не метил! А вот тебя поумнеть заставлю. Ну-ка пошли!

Рано колдунья обрадовалась: едва выпустив её руку, охотник намотал на кулак мокрую косу. Потянул в сторону двери, распахнул...

Снаружи стоял лютозверь с занесённой для стука лапой. И он действительно был размером с быка.

— Мы, наверное, очень шумели, — прошептала Талла, пытаясь воспользоваться ситуацией и высвободиться. — Извините, пожалуйста.

Верд же вежливостью никогда не отличался. Он одновременно отпустил и отпихнул Таллу в сторону одной рукой, а вторую сложил в кулак и направил прямо в изумлённую клыкастую морду, которую зверь чуть наклонил, чтобы заглянуть в проём.

Приветствие хищнику не понравилось. Он зарычал, хватаясь передними чуть коротковатыми лапами за морду, огромными волосатыми плечами задел дверь. Та стукнулась о стену и с удвоенной скоростью полетела обратно, чтобы припечатать монстра ещё и по затылку.

Дважды благословив богов, с которыми, вообще-то, никогда не был в хороших отношениях, охотник метнулся к сваленной на скамье куче одежды, венчал которую меч. Какое же счастье, что Верд достаточно подозрителен и недоверчив! Не захвати он с собой оружие, спасся бы, только скормив лютозверю добычу послабее и повизгливее.

Вышеупомянутая добыча, быстро осознав, что визг делу не поможет, ухватила за кочергу и принялась размахивать ею. Больше покамест страдала кухонная утварь, ну да хоть мешать дурная не станет.

Лютозверь был поистине огромен. Волосат, мышчат, зубаст. Будто перемолотый жерновом бык, которого строптивый мальчишка попытался собрать заново ради игры в войнушку. Клыки торчали неровно, во все стороны. Устрашать врага годится, а вот как рвать и жрать, когда настигнешь его и победишь?

— А-а-а-ар-р-р-р! — постаралась тварь донести до Верда своё негодование, и ответ на вопрос сразу нашёлся: помимо торчащих во все стороны клыков, в пасти имелось ещё два ряда ровных треугольничков, отличающихся белизной и остротой.

Не желая упускать столь удачную возможность, охотник плеснул в глотку первое, что попало под руку. Попался ковшик с обмылками, над которым мужчина успел побриться с вечера, так что зверь, распробовав, обиженно рявкнул и полоснул когтями.

Мимо.

Верд кувыркнулся, проскочил меж мощных длинных задних лап, созданных для того, чтобы загонять добычу, выскочил в коридор и, продолжая движение, наподдал монстру под зад, чтобы тот не вздумал сунуться в кухню.

В просторном храмовом коридоре нелюдь ориентировался с трудом, неповоротливо задевая колонны и роняя лампы, точно собственные габариты неприятно удивляли его. Но для охотника это только на руку.

— Ыр-р-р-р-р! — недовольно заурчал зверь, случайно намотавший на лапу цепочку масляного светильника, с корнем вырвал крепление из потолка и тут же попытался пристроить на место. Не удалось, ясное дело. Только гобелен со стены снёс. Ветхая ткань зацепилась за костяные наросты вдоль хребта и принялась развеваться, точно рыцарский плащ.

— Что, приятель, денёк паршивый выдался? — Верд сорвал полотенце с бёдер, резко хлестнул им по глазам твари.

— Фью-фью, — немыслимым образом присвистнула она, оценив телосложение обнажённого охотника.

— Но-но! — пригрозил он. — Не для тебя роза цвела!

Лютозверь оскорблённо отшатнулся: недоодетый (или перераздетый) мужчина интересовал его в последнюю очередь! Монстр подобрался, напряг мускулистые ноги и прыгнул, преодолев коридор почти до самого конца. Испугайся Верд, побеги от зверя, точно угодил бы в когти. Но он, наоборот, побежал навстречу и снова оказался за спиной врага, к тому ж успев полоснуть его мечом поперёк спины. Гобелен, временно исполняющий обязанности рыцарского одеяния, удалось разодрать от начала до конца, а вот спину, защищённую панцирем и толстой шкурой, повредить не вышло.

— Плохо дерёшься, — процедил охотник. — Без огонька.

С этими словами он подхватил с пола масляную лампу и зашвырнул вперёд, пока медлительный лютозверь не успел развернуться. Хорошо горит масло! Легко занимается, ярко! К тому ж, старый уродливый гобелен давненько просился в костёр. За секунду-другую пламя перекинется на мохнатую шкуру. Главное уследить, чтобы тварь не умчалась вглубь храма и не устроила пожар. А как обезумеет от страха, можно и закончить её мучения клинком.

Но, как известно, если не знаешь, чем испортить дело, позови бабу.

Боевой клич у Таллы вышел хороший, звонкий. Нет бы спрятаться в уголке да подождать, пока воин разберётся. Так нет же, влезла!

— Спасайся, кто может! — прокричала колдунья и с воодушевлением принялась... сбивать с лютозверя огненные языки!

— Ты что делаешь, идиотка?! — Верд бросился перехватить её, но проклятая девчонка успела сорвать кочергой горящую ткань. Подпалины на шерсти нелюдя остались, но смертельной опасности они не несли.

Пришлось, рискуя собственным животом, хватать девку поперёк пояса, оттаскивать, пока монстр, не осознавший ещё, что спасся, катался по полу, избавляясь от потухшего уже огня.

— Жить надоело? Он сожрёт тебя и не поперхнётся! — Так бы и вклепить затрепину по этой упрямой мордашке, чтобы искрящиеся глаза наполнились слезами, чтобы не смотрели на Верда как... как на дурака.

Не пытаясь сопротивляться, Талла выглянула из-за плеча охотника и обратилась к лютозверю:

— Ты собираешься меня сожрать?

— А-а-а-а-ар-г-х!

— По-моему, звучит вполне доброжелательно, — заключила колдунья.

— Доброжелательно?! Это?! — Верд обвинительно ткнул мечом в сторону лютозверя.

— Аргх? — не меньше удивился монстр.

— А ты смог бы разговаривать более внятно с такой-то челюстью?

— С такой челюстью я бы жрал людей!

— Ты — да, — насупилась колдунья. — Не сомневаюсь. А вот лютозверь никого, кроме живности, не ест, умничка такая.

Монстр смущённо шаркнул ножкой и махнул лапой: дескать, да ладно вам!

— Откуда ты знаешь?

— А ты тоже это знаешь. Просто не помнишь. Санни сказал, что с тех пор, как лютозверь появился в селении, ни одного человека не пропало. Уверена, зубастик ещё и из леса выводил заплутавших. Так, зубастик?

Тот глухо рыкнул, а потом уселся на корточки в противоположном конце коридора, как дворняга какая, и тоскливо протяжно завыл.

— Бедняжечка! Разве ты не слышишь, Верд? Он расстроен!

— Он жрать хочет!

— Хочет, — согласилась девушка. — Но тебя всё равно не сожрал, хоть и мог бы. Пусти!

— Вот ещё!

— Пусти, Верд! Он пытается что-то сказать!

Нелюдь и правда пытался. Не слишком успешно, объясняясь отрывистыми жестами, меняя интонации рычания.

— Что из тебя выйдет отличное жаркое! — подсказал охотник.

— Ой, это же шарада! Он показывает шарadu! — восторженно завопила Талла и завертелась таким угрём, что удержать её под мышкой стало решительно невозможно. — Это он! Он показывает себя!

Девчонка заплясала на месте от нетерпения, а лютозверь совершенно по-человечески принялся водить лапами. На всякий случай Верд поудобнее перехватил меч, но, чуть погодя, и сам увлёкся загадкой.

— Он показывает, что он идёт.

— Да какое идёт? — поправил Верд. — Лыжи он показывает! Лыжи!

— Идёт!

— Р-р-р-ра! — прервал спор лютозверь, указал когтем на Таллу и коснулся кончика крючковатого носа.

Колдунья показала язык и пихнула наёмника:

— Видишь? Я же говорила. Идёт. Куда ты шёл, зубастик?

Лапа обвела своды храма.

— Здесь? Ты ходишь здесь?

— Мы и так это знаем, — раздражённо буркнул охотник, перекидывая меч из руки в руку. — И нам это не нравится!

Талла зыркнула на мужчину и поджала губки:

— Ну что ж ты такой глупый? Он показал, что это случилось давно, а лютозверь когда завёлся? С полгода? То-то же!

Охотник нахмурился:

— Девка, это всё Санни говорил мне. Наедине. Пока ты спала без задних ног.

— Выходит, что с ногами, — пожала плечами колдунья и лукаво сверкнула очами. — Так, не отвлекайся. Что дальше, зубастик? Песочные часы? Груша?

— Бабу он показывает, — усмехнулся Верд, с ходу распознав формы, обрисованные зверем в воздухе. — И ещё показывает, что она колдовала. Как ты.

Талла подскочила на месте и захлопала в ладоши:

— Баба! Колдует! Это получается, что зубастика прокляли!

— Р-р-р-р-ра-а-рх! — горестно завыл лютозверь.

— Я знаю, что нужно!

Сообрази Верд, что эта ненормальная собирается делать, он успел бы её остановить. Но кому ж придёт на ум, что молодая-красивая девица на полном серьёзе помчится к уродливой зубастой твари, чтобы смачно и звонко чмокнуть её в клыкастый рот?!

И самое обидное, что это ещё и помогло.

Громыхнул гром (потому что всем известно, что любое проклятие снимается исключительно под аккомпанемент грома), многочисленные светильники зашипели, грозя потухнуть, и сразу же взметнули огоньки до потолка. А потом всё успокоилось. Только на месте лютозверя сидел грязный отошавший немолодой мужчина с крючковатым носом.

У нынешнего служителя храма была одна крайне удобная черта: Санни всегда являлся на драку к шапочному разбору, а помощь предлагал ровно тогда, когда и без него всё успевали сделать. Вот и сегодня, явившись на грохот и крики, прикрывший голову кастрюлей и вооружившийся подсвечником, он застал лишь счастливую Таллу, изумлённого Верда и...

— Господин Плессий?

Старший служитель храма Трёх Богов хотел было встать во весь рост, но, обнаружив отсутствие густой шерсти по всему телу, предпочёл остаться на полу. Верда же подобные мелочи не смущали, и он нагло проигнорировал укоризненное покашливание приятеля, накинув полотенце на сгиб локтя, да ещё и выставив вперёд одну ногу.

Бывший лютозверь, растеряв навык, с некоторым трудом проговорил:

— Здравствуй, брат Санторий. Надеюсь, за время вынужденного отсутствия начальства ты не весь приход разогнал?

## Глава 4

### Где дорога, там и путь

Несмотря на столь отчётливое урчание живота, что оно заглушало слова, господин Плессий сначала закончил утреннюю благодарственную молитву и только потом соизволил сесть за стол. Верд не терял времени и, пока служитель вдохновенно ораторствовал, активно двигал челюстями. Жевалось плохо, хотя он и выбрал наименее чёрствы́е куски хлеба из представленных сомнительных разносолов. Почему всем продуктовым запасам начальник местного храма предпочёл сухари и воду, пока оставалось загадкой.

— Дом богов — ваш дом. — Для большей убедительности Плессий обвёл рукой мокрую кухню, усыпанную слоем разбитой в схватке посуды. — Прошу принять скромное угощение, посланное нам Богиней с Котлом.

— Да, вижу, скромностью она не обделена. — Хлеб во рту охотника хрустнул так подозрительно, что он незаметно проверил языком целостность зубов.

Талла грызла свой сухарик как белочка, откусывая по крохотному кусочку, и тоже с тоской вспоминала вчерашний ужин с Санни.

— Пост есть высшее благо, — нравоучительно изрёк Плессий, с усилием надкусывая краюху. — Я благодарен богам за избавление от проклятия, которым те благословили меня.

— Благословили? — удивилась колдунья.

— Богам благодарен?! — возмутился охотник.

Служитель сложил ладошки на груди и вскинул серы очи к закопчённому потолку:

— Трое даровали мне прозрение! Я был слеп и глух, недостаточно усердно молился, и высшие силы оделили своего слугу полугодом уединения! Они защитили меня от мирских соблазнов, я же в скудоумии своём потратил время на попытки объясниться с младшим служителем! А ведь мог бы посвятить его куда более важным вещам! Мог бы очищать дух с тем же усердием, с каким брат Санторий сейчас очищает котлы!

Брат Санторий, на котором тут же остановились три взгляда, лучезарно улыбнулся и с неисчерпаемой радостью скрежетнул щёткой по таре, хранящей ещё прекрасный аромат глинтвейна.

— Да благословенна будет Троица Богов, — процедил он сквозь зубы, — за то, что вы, брат Плессий, вернулись к нам. Уж теперь-то паства будет счастлива и снова к нам повалит!

Служитель сёрбнул водой в чаше и с прискорбием отметил:

— Удержать паству ничуть не легче, чем привлечь. Не вини себя, брат, за то, что не сумел поддержать огонь веры в их сердцах в моё отсутствие.

— Пока вы не напомнили, брат, я и не собирался. — Санни провёл щёткой по котлу с таким видом, точно хотел перерезать начальнику горло. — Но теперь уже вряд ли сумею избавиться от этой мысли.

— Ничего-ничего, мы отчистим храм от пыли и грязи, подновим алтарь, заделаем трещины в стенах...

— Мы? — подозрительно уточнил Санни.

— Я возьму на себя тяжёлую ношу: стану молиться и восхвалять твой труд, брат!

— А может, лучше я помолюсь, а вы с извёсткой по коридорам побегаете?

Плессий усмехнулся, словно услышал хорошую шутку, и погрозил пальцем подчинённому.

— Подадим пример селянам постом и жаркой молитвой, — экзальтированно перечислял старший служитель предстоящие радости сотрудничества с высшими силами, — станем отшельниками, пожертвуем неимущим все заработанные храмом деньги...

Санни тоскливо погладил упитанное пузико, прощаясь с ним.

— И на что ж нам тогда его ремонтировать, если все деньги жертвуем?

— Боги не оставят нас, — смиренно хрустнул сухариком спасённый лютозверь.

Глаза Санни лезли всё выше на лоб, рискуя приблизиться к старательно замаскированным залысынам.

— Верд, друг мой, — ласково позвал он охотника, — слова господина Плессия вдохновили меня прочесть пред ликами богов житие первых послушников. Не составишь компанию?

Охотник рассудил, что от него не убудет, воздержись он от скудной трапезы.

— Ну пошли.

— А как же завтрак? — искренне озаботился Плессий. — Разве я могу оставить голодными присланных богами путников?

Верд постучал по столешнице куском хлеба, скривил в ухмылке край рта и бросил сухарь обратно в общую миску.

— Попоститься вдруг захотелось.

— А вы точно-точно не знаете, кто вас проклял? А удобно с такими зубищами ходить? А где вы днём прятались? А людей кушать хотелось? — возбуждённо затараторила Талла, и беглецы прибавили ходу, пока Плессий не рванул «читать духовные книги» вместе с ними.

— Не забудь снять паутину в алтаре, — успел напутствовать послушника служитель, но Санни только приложил ладонь к уху: «Ась? Не слышу, брат!»

До алтаря они так и не дошли. Пониженный до послушника бывший служитель храма Трёх Богов свернул раньше, увлекая за собой приятеля, и юркнул в низкую дверцу.

— Помощ-щ-щ-щнички, — прошипел он, вручая Верду огромную холщовую суму. — Спасли от лютозверя, называется! Да лучше б я с нелюдем под одной крышей жил, чем с этим святошей!

— Так ты и жил, — резонно возразил приятель, подставляя торбу под вяленое мясо, мешочки с крупами и овощи.

— И лютозверем он всяко был приятнее! Плессий из меня всю душу вынет, понимаешь! — Санни метнулся к Верду и попытался встряхнуть его, схватив за грудки, дабы донести всю серьёзность положения. Но наёмник не шелохнулся, сколько усилий служитель не прилагал. — Алтарь — отмой, пыль — сотри, снег перед входом — раскидай! А сам он, видите ли, молитвы читает! И, главное, прихожане к нему, святоше эдакому, валом валят! А от меня с той же скоростью в разные стороны!

— Завидно?

Санни с вызовом выпятил живот:

— А если и так?! Солдат из меня не получился, думал, хоть в храме своё место найду. А он меня гоняет, как служку какого! Плессий человек хороший, но, боги свидетели, я обрадовался, когда его не стало! Правда, думал, что он не помер, как все решили, а в город сбежал. Есть у него там одна бабёнка... Ну да и шварг бы с ним! Сбежал и сбежал! Но на хрена ж ты мне его вернул?!

— Так, Санни. — Верд вырвал из цепких пухлых пальчиков окорок, которым служитель уже примерился утереть горячие слёзы. Не удержался, надкусил и бережно сунул в мешок к остальным продуктам. — Ты просил избавить тебя от лютозверя. Разве я что не так сделал? Ну хочешь, убью твоего святошу, прикопаем на храмовом кладбище, никто и не спросит! И даже надбавки за вредность не попрошу! Тюкну его по головушке из одной только любви к тебе!

Верд никогда не был шутником. Возможно, дело в том, что шрам через пол-лица искажал любую гримасу, что отбивало у собеседников желание смеяться. А может, дело в тяжеленном

мече у пояса или в дурной славе, что окружала охотника. Но Санни юмора тоже не понял. Он отшатнулся, осеняя себя защитным знаком Ножа:

— Побойся богов, Верд! Плессий — добрый человек. Скотина вот только порядочная... А служитель он хороший, за дело радеющий...

— В отличие от тебя? — подсказал приятель.

— Шёл бы ты... — начал Санни, но, признав частичную правду, закончил иначе, чем собирался: — Ко мне в комнату. Там под кроватью кошель с деньгами. И двигаем отсюда, двигаем! А то, не ровен час, и правда заслушаемся этого проповедника и станем с восторгом драить щели между половицами.

— Твой Плессий настолько хорош?

Санни тяжело вздохнул:

— Заслушаешься. Мне таким никогда не стать. Так что, может, оно и к лучшему, если храм за ним останется.

— Заслушаешься... — задумчиво повторил Верд и утробно рассмеялся.

— Что?

— Да они ж там с дурной вдвоём остались, — пояснил он. — А уж что-то, слушать она не умеет совершенно...

Упаковав пожитки, мужчины боязливо сунулись на кухню, чтобы забрать Таллу. Картина, которую они застали, навеки отпечаталась в воспоминаниях Сантория и впоследствии поднимала ему настроение даже самым хмурым днём.

Плессий сидел под столом, отгородившись от колдуньи чугунной сковородкой, и тихонько поскуливал. А вёрткая упрямая девка обегала стол то с одной, то с другой стороны, и снова и снова с восторгом чмокала то в загривок, то в щёку, то в плечо — куда доставала.

— Ну не прячьтесь, господин Плессий! Это же самое интересное, что случилось в вами в жизни! Никто никогда такого не видел! Нам же нужно понять, как это работает! Ну куда же вы уползаете, господин Плессий?!

С каждым поцелуем бедный служитель трансформировался из лютотверца в человека и обратно. Причём, каким-то магическим образом, звериная морда выглядела ещё более несчастной, чем человеческое лицо. Монстр на четвереньках выбежал из-под стола и в попытке спастись дёрнулся к приоткрытой двери, но колдунья настигла его, вцепившись руками и ногами, и снова чмокнула в мохнатую щёку.

— Заберите эту дурную отсюда! — взмолился временно очеловеченный Плессий и закончил уже вновь изменившимися челюстями, но вполне разборчиво: — Пы-ы-ы-ы-р-р-р-ржа-а-а-алста!

\*\*\*

Нет, летом солнце так не слепит. Не выдавливают слёзы, от которых тут же смерзаются ресницы, а моргать становится едва ли не тяжелее, чем шевелить пальцами, озябшими от мороза и неподвижности.

Лошади мерно поскрипывали снегом под копытами, наездники покачивались в седлах, подрёмывая, парок из ноздрей всей процессии, что животных, что людей, закручивался маленькими вихрями и тут же оседал, чтобы вскоре превратиться в ледяные бусины на шерсти и одежде.

— Будешь ёрзать — косу отрежу, — пригрозил охотник, привычно фиксируя колдунью тяжёлой рукой.

— Волосы — не ноги, отрастут!

— Если это поможет, я тебе и ноги отрежу.

— Вместе с новыми сапогами?!

Талла попыталась показать обновку, и чуть не упала с лошади. Мужчина подхватил её, прижал крепче, с содроганием ожидая, что от его грубости у девчонки вот-вот затрещат кости.

— Тогда просто отшлёпаю, — съехидничал он, и колдунья смущённо замолчала.

Верд страдальчески морщился каждый раз, когда невесомые непослушные волосы Таллы вздымались от малейшего ветерка и щекотали ему подбородок. Убирать их было бесполезно, что ловить тополиный пух, а пересадить девку на клячу Санни, как тот не раз предлагал, боязно: ну как служитель наболтает лишнего? Хотя, может, и стоило бы. А то сидит вся такая восторженная, любитесь лесом, точно впервые его видит. А чего им любоваться? Какой начался сразу после Больших Храмовников, такой и тут, в пяти верстах, остался.

Любуется, значит. Как дитё малое. На себя в зеркало поутру так не пялилась, как на эти кривые чёрные стволы, обросшие белым мхом инея. А могла бы и посмотреть, между прочим! Верд денег не пожалел, не абы какую одежду ей купил, а такую, чтоб не стыдно в город въехать! И до чего ж хороша девка в новом полушубке! Куда делась растрёпанная дурёха, которую нашёл охотник пару дней назад? Была ли? Эта колдунья — другая. Сидит ровно, спину гордо держит, не иначе как родилась знатной! И портной заметил красавицу, нет-нет да норовил лишний раз тронуть узкую талию, провести лапищей по бедру, якобы разравнивая ткань. Пока не поймал многозначительный взгляд охотника, конечно.

— По фигуре бы посадить... — пролепетал тогда швец, сразу отскочив от девки на локоть. — Не по размеру вещички...

— Ничего, снимать удобнее будет, — недобро ухмыльнулся Верд, касаясь рукояти меча с той же небрежностью, с какой собеседник только что касался плеча его колдуны.

Не по размеру! Ясно, что тонкой да звонкой Талле шитые на деревенскую бабу тряпки велики, но и это её не портило! Затянула пояс, так ещё краше стала, ещё нежнее. Кажется, задень неосторожно локтем — переломится пополам. Немудрено, что замерли у ворот хмурые мужики, вытаращились, следя за троицей путников, пока те не нырнули в лес вместе с колёй.

— Да не вертись ты!

Талла, как нарочно, крутанулась ещё раз, чтобы снова пощекотать охотнику нервы и нос пушистой макушкой:

— А что, ты занят сильно, а я тебе мешаю?

— Может, и мешаешь, — огрызнулся Верд. — А может, просто достала.

— Это я умею, — польщённо зарделась колдунья и вкрадчиво добавила: — Ну ты смотри, если со мной совсем плохо, я могу и домой вернуться...

— А я могу тебя в мешок сунуть, — лаконично возразил он.

Санни, чуть приотставший от парочки, не мог остаться в стороне от ссоры и нараспев затянул:

— Бог с Ножом, оградитель и защитник, прошу, не гневайся на этого недалёкого мужлана, ибо он не ведаёт, что творит! Справедливые боги поскупились на ум, когда создавали его. Сему мужу остались лишь мускулы, вши да паршивый характер...

Верд придержал Каурку, шествующую по заметённой дороге как по ровному полюшку, пока служитель на своей кляче не поравнялся с ними. Каурка брезгливо фыркнула при виде коллеги: куда менее ухоженной, с купым хвостом, непривычной к зимним переходам. Подумала немного и ненавязчиво оттеснила ту с дороги. Ещё и перешла на изящную иноходь, дескать, вот как надо.

— Тпр-р-р-ру, тварь своенравная! — выругался Верд.

«Сам такой», — послышалось ему в ответном ржании.

— Не слушай его, Каурка! — Талла зубами стянула рукавичку и принялась успокаивающе перебирать ей гриву.

— Ты бы лучше Богу с Ключом помолился, чтобы Плессий тебя обратно в храм пустил.

— Зачем это? — Санни не спешил догонять.

Не дождавшись приятеля, Верд развернул Каурку и направился к нему сам, чтобы, приблизившись, ласково потрепать по плечу. Почему-то угрозы в этом Санторию почудилось куда как больше, чем дружелюбия.

— Затем, что очень уж хорошо ты молитвы читаешь. Так хорошо, что грех их по ветру пускать, когда есть благодарная паства!

— Долг служителя — наставлять на путь истинный тех, кто с него сбился, — смиренно понурил голову он.

— Даже если им в другую сторону надо?

— Особенно если они идут в другую сторону! — с жаром подтвердил Санни.

— Так может нам просто надо в разные?! — не выдержал охотник.

— Возможно. — Санторий осенил спутников знаком Котла. — Да не заставит вас Богиня с Котлом голодать!

— А мы разве собирались? — вскинулась Талла.

— Ну как же? Если нам с провизией в одну сторону, то вам с Вердом, получается, в другую. А то твой мужик что-то не был против попутчика, когда храмовые закрома опустошал, а тут вдруг вспомнил, что он волк-одиночка.

Охотник наугад вытащил из сумки первое, что попало. Попалась морковка, чьи рыжие бока едва угадывались под слоем налипшей земли. Не глянув, Верд демонстративно откусил. Тут же изменился в лице, хотел выплюнуть, но пересилил себя и принялся терпеливо яростно жевать.

— Хочешь забрать? Ну попробайся. Ты утром тоже не так болтлив был, а на воле сразу осмелел. Может, не колдунью, а тебя сунуть в мешок? Подкинуть Плессию на порог вонючий подарочек, а?

— Почему это вонючий? — принялась Талла. Аж приподнялась немного, задвигала носом, как зайчишка.

— А мы его не сразу понесём, — пояснил Верд, снова насильно усаживая девочку ровно. — Часа через три-четыре авось завоняет.

Служитель не на шутку испугался. С охотника станется и правда с позором вернуть его в храм. А к Плессии Санторий не хотел. Бывший начальник успел испортить впечатление о сытой жизни служителя ещё будучи человеком, а уж обратившись в лютозверя и вовсе заставил на стену лезть. Страшно подумать, что из него получится сейчас, когда обе ипостаси сосуществуют в мире!

— Только моими молитвами мы до сих пор живы! — уверенно заявил Санни. — Без слова служителя разве боги обратили бы на нас свой взор?

— А мне и не надо, чтобы троица извращенцев за мной подглядывала!

— Боги милостивы, Верд, но когда-нибудь, — служитель вскинул очи к небу и одними губами попросил «пожалуйста!», — они всё же покажут тебя поносом за гордыню!

— Гордыню? Ну, приятель, у меня есть грехи и поинтереснее! Что там полагается за избиение слуги богов? Розги? Грозный взгляд?

— Вечные муки во чреве шварга! — торопливо сочинил Санни.

— Оно того стоит, — смачно хрустнул кулаками Верд. — Значит так, за каждую молитву без дела, особенно с упоминанием моего имени, я трижды буду драть тебя за ухо...

Огромная рукавица улетела в снег, точно ножны обнажили лезвие, пальцы потянулись к чуть оттопыренному уху слуги богов. Тот в ужасе шархнулся и уточнил:

— А если по делу?

— А такое бывает? — усмехнулся безбожник, но сжалился, пожал плечами и ловко наклонился, чтобы, не слезая с седла, подобрать рукавицу. Талла при этом завизжала и уцепи-

лась за лошадиную шею. — Ладно. Если хоть раз молитва принесёт пользу, можешь взывать к своей Тройне хоть по сто раз на дню. Слова тебе не скажу.

— Ты свидетель, — похлопал Санни свою клячу по шее, не отводя подозрительного взгляда от приятеля.

— И я свидетель! — снова попыталась самоубиться путём падения под копыта Талла.

Верду внезапно показалось, что его окружили. Поймали, скачут вокруг, придуриваются... И, главное, делают вид, что всё так и должно быть! Нет, с такими попутчиками либо сам с глазду двинешься, либо их угробишь.

Охотник на всякий случай проверил, на месте ли меч. Куда ж он убежит? Чать без ног, в отличие от дурной девки, которая умудряется ускакать в чащу по сорочьим следам или сунуться на тонкий речной лёд, даже когда просто отходит до кустиков! И легко в ножнах скользит. Чирк-чирк, словно песня! Талла и Санни почему-то с опаской на него покосились. Наверное, слишком задумчиво наёмник хмыкнул. Ничего, коли присмирят, можно сократить количество участников отряда и попозже.

Однако в том, что их окружили, Верд не ошибся. Чутьё подсказало. Нет, он давненько заметил, что далеко позади мелькают тёмные шапки, да и отзвуки фраз ветер доносил. Но дорога хожая, на ней даже лютой зимой то и дело кто-то встречался. А мужики, вышедшие из Больших Храмовников следом, скорее бы отправились проверить силки в лесу, чем стали невесть за чем догонять путников.

Однако ж стали.

И в лесу искали не добычу, попавшую в капкан, а тропки, по которым можно обогнуть тракт, чтобы выскочить навстречу тройце.

Верд натянул поводья и, ни слова не говоря, выжидательно и слегка брезгливо уставился на препятствие. Препятствие в лице пяти поочерёдно шмыгающих носами селян, неуверенно сжимающих вилы и дубины, смущённо попятилось.

Лошади фыркнули, Верд не шелохнулся, Талла любопытно вертелась и улыбалась, не понимая, радоваться ли столь радушному приёму. Казалось, чуть подожди, и мужики, попрятав за спинами грабительский инвентарь, расступятся. Ещё и извинятся, не ровен час. Очень уж нехорошо, испытующе, смотрел на них головорез с испещрённой шрамами физиономией.

Но весь эффект напряжённого молчания испортил Санни:

— Друзья мои, не ожидал вас встретить так скоро! Какими судьбами? И почему с такими недобрыми лицами?

А тут ещё и вторая половина начинающей шайки разбойников подросла, чтобы сразу ясно: не свежим воздухом подышать вышли, а с конкретными намерениями. Слишком близко тем не менее не подходили. Всё ж таки мужики деревенские, знают, как больно испуганная животиная может садануть копытом.

Увеличившись числом, «друзья» осмелели.

— А что же вы это, господин Санторий, храм решили покинуть? — Главный заводила добавил веса словам, шумно высморкавшись в снег. Остальные согласно загудели.

— Да ещё и вещички с собой прихватили... Не пустые, чать, сумочки, — елейным голоском добавил самый дохлый и трусливый, прячущийся позади всех.

— Или вы решили храм Трёх Богов без служителя оставить? — пробасил детина, больше похожий на пацана-переростка, вышедшего поиграть. Так и стоял: носки вместе, пятки врозь, взгляд в сугроб. Но по здоровенным ладоням видать: в стороне от драки не останется.

Верд раздражённо вздохнул. Впереди целый день пути. Загребать сапогами снег с самого утра, а потом ехать с мокрыми ногами, не хотелось. А придётся. Если остолопы почуяли добычу да нашли в себе смелость выйти на тракт, теперь уже по-хорошему не разойдутся. Одного охотник не понимал: когда тройца выезжала из селения, эти самые мужики пялились на них как

заворожённые. Он и не удивился: решил, что внимание привлекла Талла. А по всему выходит, что на сумки слюни пускали... Дурачьё!

— Разорить святое место решили, а?! — уже более угрожающе, накручивая и себя, и шайку, гаркнул сопливый главарь. О том, что они и сами не собирались возвращать имущество под своды храма, он тактично умолчал.

— Ой, я поняла! — Талла восторженно захлопала в ладоши и повернулась к Верду: — Можно я скажу, можно?

Заставить колдунью помолчать всё одно никому не удавалось, поэтому наёмник кратко буркнул:

— Ну?

— Они нас грабить собрались! — Девчонка горделиво выпятила грудь, точно открыла великую тайну.

Разбойники переглянулись: вслух ни один из них не произносил сокровенного слова, так что теперь предстояло решить, действительно ли они собрались делать именно это. Решение приняли мгновенно и единогласно: повыше подняли оружие и сжали тиски.

— Теперь — собрались, — лаконично подтвердил Верд.

— А ежели и так! — взвизгнул трус и тут же, как побитая собачонка, присел на корточки, чтобы никто не понял, откуда звук.

— А ежели и так? — Дитина на секунду поднял взгляд и тут же его опустил, торопливо неразборчиво забормотав: — Сами мы люди мирные, так что скидайте сумки и проваливайте на все четыре стороны. А иначе...

— Что иначе? — любопытствовал Верд, изрядно развеселившись. Он любовно погладил оголовье меча и подумал, что, пожалуй, обнажать его не станет. Потом ещё кровь отчищай, тела прячь, Таллу успокаивай... Нет, он просто сломает пару носов. Ну, может, пару-тройку носов. И пальцев. Очень уж он любит, как хрустят ломающиеся пальцы...

— А иначе... Иначе... — Кое-кто из шайки с надеждой глянул в ту сторону, где за деревьями прятались Большие Храмовники.

«Эти драпанут первыми», — понял наёмник.

— Иначе... — Главарь оказался куда упрямее прочих. — Нас здесь девятеро, друже. А вас трое. Ясно, кто кого...

Верд усмехнулся. Шрам, берущий начало от левого глаза, и заканчивающийся на подбородке, досадливо дёрнул хвостом, точно гадюка. Нет, их не трое. От Санни в бою больше помех, чем пользы, хотя и он знает, за какую сторону меча браться. Последнее, конечно, стало бы сюрпризом для селян, но вряд ли бы сильно помогло. А Талла... Нет, ей он даже на землю ступить не позволит.

— Ну-ну, — протянул охотник, перекидывая ногу через седло.

Колдунья без его поддержки сразу же закачалась, соскальзывая, так что Верду пришлось вложить повод ей в руку и посильнее прижать колени к конским бокам, раз уж до стремян не доставала.

— Вот так держи. И сиди ровно, — велел он. — Сколько вас, говорите? Девять? Ну покажите, что умеете.

— Остановись, друг мой! — Прежде, чем воин почувствовал, как скрипит снег под подошвами, Санни величественно поднял руку и громогласно потребовал: — Боги говорят, а я внемлю! Услышите и вы глас Трёх людских благодетелей!

Эхо разносило его речь недалеко: через поле до раскидистых ёлок на кромке леса и обратно. Но и этого хватило, чтобы разбойники всполошились в поисках ещё как минимум трёх служителей, повторяющих проповедь первого.

Мужики приосанились, кое-кто машинально осенил себя знаком троебожия. Один бросил выдранную из забора доску и пал на колени, но тут же, одумавшись, поднялся, поспешно отряхиваясь.

— Я внемлю вам, боги! — Обе руки храмовника взметнулись к небу, а за ними и многочисленные взгляды.

— Внемлет? — шёпотом поинтересовалась Талла у Верда, снова устроившегося на конской спине.

— Внемлет, — насколько мог серьёзно подтвердил он, но всё ж таки пустил пару неблагодарнейших смешков.

А Санторий, прочувствовав значимость момента, заливался если не соловьём, то как минимум мартовским котом:

— Давно ли чистые слёзы молитвы стекали по вашим щекам, безбожники?! Давно ли вы поминали Бога с Ключом не всуе, уронив на палец молоток, а в искренней благодарности за кров?! Помните: шварг всегда голоден, его чрево открыто для предложений... то есть для грешников, забывших, для чего посланы на эту землю!

Лица грешников изобразили усиленную работу мысли: во чрево к шваргу не хотелось никому, но и отпускать добычу с полными сумками провианта и денег — тоже. Как удачно объединить одно с другим, придумать не получалось.

— Жадность поглотила вас, слабовольные! Неразумные! Тщедушные!

— Кх-кх, — негромко остудил пыл служителя Верд, а то грабители уже начинали негодовать.

— Но разве это ваша вина? — поправился Санни. — Разве ваша вина в жажде лёгкой наживы, разве с вас нужно спрашивать за зло, которое вы причинили?

— Н-н-нет? Нет! — радостно завопили мужики. — Боги создали нас такими! Не мы виноваты, нет!

— Да! — мстительно возопил Санни. — Ибо Богиня с Котлом, когда готовила первую горячую пищу для людей, завещала делиться и радоваться малому!

О том, что сам он делиться поклажей тоже не собирался, Санни предпочёл не распространяться.

— Что же нам делать, господин Санторий?! — поперхнулся слезами богобоязненный детина. — Как искупить вину?

Его примеру последовали ещё несколько несостоявшихся разбойников.

Верд прикрылся рукавицей и тоненько, маскируясь под трусишку в задних рядах, пропищал:

— Как же мы без вас, господин Санторий? Кто наставит нас на путь истинный?

— Оставайтесь с нами, господин! Не бросайте! — мгновенно подхватила толпа.

Но Санторий не первый год был служителем, поэтому медленно и чинно несколько раз поднял-опустил длань, не то дирижируя нестройным хором, не то заставляя паству замолчать.

— Дети мои! — Оратор с трудом удержался от победного жеста: впервые селяне действительно слушали его, принимая проповедь за нерушимую истину. На таких условиях можно было бы и остаться... Хотя тогда Верд слишком уж обрадуется, а этого Санни допустить не мог. — Дети мои, сердцем я навсегда останусь с вами! Но Бог с Ножом послал мне откровение: эти путники, — указующий перст ткнул в Каурку, — нуждаются во мне! Они увязли во грехе и не ведают, что спешат в объятия шварга!

Верд мог бы разъяриться, но перспектива греховных объятий всколыхнула в его памяти сладкие ночи, проведённые в Доме Желаний с добродетельными жрицами (добродетель их, правда, заканчивалась ровно на пороге здания). Части вырученных за колдунью денег как раз предстояло осесть в одном из подобных заведений, но, взглянув на Таллу, охотник почему-то усомнился, что поступит именно так. По крайней мере, не сразу.

— Моя участь провести их по пути соблазнов, аки слепцов, дабы вывести к свету!

— Главное, самому на этом пути не споткнуться, — хихикнула Талла, заслужив одобрительное похлопывание по бедру от Верда. — А хорош! — Колдунья мотнула головой в сторону служителя.

Охотник наклонился к её уху и предложил:

— А может, лучше бросим его тут? Раз уж так в роль вошёл...

— Ты что?! — едва ли не громче служителя запротестовала девчонка. — Как можно?

— Мы бы ещё обязательно встретились, — не слишком уверенно предположил Верд.

— Тихо вы! — шикнул главарь банды с таким видом, точно собирался конспектировать проповедь. Мокрая полоса под его носом намекала на то, что давно пора высморкаться, но он не решался прервать святого человека столь низменным шумом. — А как же мы?! Что делать нам, господин Санторий?

— Идите вы... — Санни пришлось призвать всю выдержку, чтобы не сказать, куда именно следует идти жадным деревенщинам, но нашёлся он быстро: — Каяться.

— Но без вас как же?! — Трусика протолкался вперёд и припал в страстных лобызаниях к лошадиному копыту, коль скоро собственную ногу служитель успел убрать. Каурка критически цокнула на словившего благодать верующего: если уж лобызать чьи-то копыта, то ясно, что её! — В Больших Храмовниках больше некому молиться за нас!

«Хм, — отметил Верд, — значит, Плессий пока из храма не высывался. Вот будет сюрприз селянам!»

Смекнул и Санторий. И не преминул записать сие чудо на свой счёт:

— Трое милостивы! Я воззвал к Богу с Ключом, и он ответил мне! «Бог с Ключом, разве можно оставлять обитель в запустении?» — обратился я к нему.

— А он?! — в благоговейном трепете замерли мужики.

— А он... — Санни довольно причмокнул и закончил так, будто рассказывал о встрече с собутыльником: — А он мне: «Бери, друг, с собой вот эти вот суммы, набей, говорит, чем придётся, и иди вдалбливать... то есть просвещать истиной двух грешников!» А я ему: «Ну как так-то? А чьи проповеди станут слушать мои дорогие селяне?»

— Ах! А он как?! — схватился за сердце исправившийся главарь разбойничьей банды.

— А он: «Раз ты так просишь, воскрешаю Плессия! Но только ради тебя, Санторий, потому как праведность твоя...»

— Не увлекайся, — охолонил друга Верд, едва шевельнув краем рта.

— В общем, я вам Плессия воскресил.

Теперь уже не один трусика норовил примёрзнуть устами к подковам. С воплями ликования бросились все: слюней досталось и сапогам Верда, и копытам Каурки. Талла вовремя поджала ноги и впервые с начала путешествия возрадовалась, что кобыла у охотника достаточно высокая.

Опасаясь, что благодарственные поцелуи могут плавно перетечь в потасовку, в ходе которой и наездников стащат на землю, и сумки под шумок опустошат, Верд стеганул лошадь и был таков.

— Покайтесь! — вопил Санни, следовавший примеру приятеля, но не желающий так быстро заканчивать минуту славы. — Покайтесь!

Троицы уже и след простыл (что при таком морозе неудивительно), а голос Сантория ещё долго звенел над полем.

Когда перевоспитавшиеся разбойники остались на безопасном расстоянии, скакуньям позволили перейти на рысцу. Кляча Санни, не умеющая скакать по снегу, успела при этом повредить ногу и захромать, так что вскоре пришлось и вовсе остановиться.

Талла собиралась уже по традиции съехать в сугроб, но Верд поймал её на руки, поставил по-человечески на тропинку и отправился осматривать травму. Прикинул, не проще ли разом

прирезать и лошадь, и наездника, разделив тем самым надвое количество проблем, но пока не спешил.

— А ведь молитва Санни принесла пользу, — напомнила колдунья, смачно целуя ошалевшую Каурку в нос. И добавила: — Мы свидетели!

Охотник сжал зубы, аж скулы заострились, и буркнул:

— Тоже мне польза...

— Тш-ш-ш-ш-ш! — Санни приложил палец к губам Верда, а тот от подобной наглости аж забыл, что можно в ответ съездить по морде. — Я слышу! Боги продолжают говорить со мной! Я внемлю, о справедливые! — Служитель замер на вдохе, впитывая божественное откровение и наконец изрёк: — Полностью согласен с вами, защитники и благодетели! Да! Вы говорите... Что-что? Ну конечно! Верд — козлина!

Следующие две версты Санни вынужденно галопировал, причём лошадь ему для этого не понадобилась.

## Глава 5

### Огонь в снегу

Санни — проклятье этого похода!

Сначала Верд думал, что это Талла приносит ему несчастья. Стрекошет без умолку, мешается, суетится; и всё-то ей интересно, всё нравится! Но в сравнении с непрестанно ноющим служителем колдунья оказалась приятным дополнением к прогулке.

— Я уста-а-а-ал! — сетовал раскрасневшийся толстячок. От его пунцовой физиономии и выглядывающей из расстёгнутого воротника шеи поднимался пар в доказательство.

— Можешь пойти обратно, — равнодушно пожимал плечами наёмник. Он тоже шёл пешком: размашистым пружинящим шагом. Привычно, легко. А чего жаловаться? Сумки везёт Каурка, доспеха тоже нет. Не поход, а сплошная радость. Кабы не попутчики...

Кляча Сантория хромала всё сильнее. Именно поэтому мужчины спешили. С бедной лошади уже сняли всё, что можно, в первую очередь согнав наездника. Но ни это, ни отдых на опушке, ни двойная порция овса облегчения ей не принесли.

Несколько раз приходилось останавливаться, чтобы колдунья ласково пошептала кобыле на ушко и погладила по спутавшейся гриве. После этого боль ненадолго отступала, но скакать, как прежде, она не могла. Дать бы ей ночку прийти в себя в тепле да уюте, подлечить как следует, а не впопыхах. Вот только где?

Охотник сначала украдкой, а после и в открытую сверялся с картой, но небольшенькая деревенька у озера появляться никак не желала. То ли безымянный художник напортачил, перенося местные красоты на бумагу, то ли они, проклятые, провалились сквозь землю. Шутка о том, что хромоножку не мешало бы продать мяснику, смешила всё меньше. А жалобы Санни только добавляли Верду решимости. Интересно, много придётся приплатить, чтобы вместе с лошастью в колбасных изделиях сгинул и один излишне разговорчивый толстяк?

— Нам уже и поесть пора! Я голо-о-о-одный!

— Когда ж ты проголодаться успел? После того, как втихаря сожрал остатки хлеба, или до?

— Во время! — торопливо втянул живот Санни. — Я, в отличие от некоторых, к труду умственному привычен, а не к физическому!

— Ну тогда мозгами шевели, коли поможет!

— А ты не кричи на меня!

— А ты не нарывайся!

Санторий повесил повод клячи на сгиб локтя и сложил ладошки в молитвенном жесте:

— Справедливые боги, благодарю вас за ровную дорогу и скромную пищу! А также благодарю за то, что судите по справедливости верных слуг и караете грешников! Так воздайте же каждому по заслугам! — Санни ехидно зыркнул на приятеля. — А Верду особенно воздайте за то, что он козлина!

— Я тебе сейчас голову откручу, — спокойно предупредил охотник, но колдунья помешала, беспокойно завертевшись в седле.

— А пока ты её откручиваешь, можно я ещё лошадку полечу?

— Цыц, сказал! Будет привал — хоть залечись свою клячу!

В том, что привал будет раньше деревни, охотник уже не сомневался.

— Ты это и перед прошлым привалом говорил!

— И перед следующим скажу! Дойдём до села какого, там можешь хоть ночевать с ней в стойле, а сейчас время терять нельзя. Или хочешь в лесу до утра куковать?

Вопрос был риторический, но ответ на него всё равно последовал. Правда, не от Таллы, а из зарослей, подобравшихся к дороге, как хищник. Оттуда отчётливо рыкнули. Санторий с усилием проглотил слюну и перебежал на другую сторону дороги, закрываясь от леса, а заодно и от Верда, клячей.

— В лесу? — А вот Талла чуть не ломанулась готовить ночлег сразу же. — Здорово же! Там звёзды! И костёр! И дымок!

— И голодные волки, и злой я! — поддакнул Верд.

Темнело неумолимо быстро. Кажется, только что колея чётко виднелась на бледном полотне поля, а опустил взгляд на миг — и её уже не разобрать. И ночь к тому ж, как и пророчила колдунья, ожидалась звёздная, холодная. Самое то, чтобы жаться друг к дружке у костра, снова и снова уязвляя того, по чьей милости случилась задержка. Словно угадав, о ком думал нехорошую думу наёмник, Санни выругался словами, которые наверняка боги запретили произносить своим верным слугам.

— А вот выбирали бы с утра себе платья побыстрее, вышли бы раньше! Небось уже бы в тепле сидели! — заявил он в попытке найти ещё виноватых.

Верд отбрезиваться поленился. Только повернулся к приятелю, приподнял в удивлении брови, толстячок и замолчал.

— Извините, пожалуйста, — пролепетала девчонка, но на неё никто не обратил внимания.

В конце концов охотник, деловито выругавшись, свернул в сторону деревьев. Благо, чащоба то и дело норовила проглотить дорогу, хоть не пришлось пробираться по колено в снегу. Каурка воротила нос и упрямылась, но хватило одного окрика от хозяина, чтобы она вспомнила, что спорить с ним бесполезно. Хромая кляча и вовсе смирилась с участью и готова была хоть добровольно сунуться в берлогу к медведю, лишь бы от неё все отстали.

— Куда расселся?

Верд с большим наслаждением пнул слугителя под зад, хоть и притворился для виду, что проверяет, суха ли сосна, на которой тот устроился. Повезло! Укрытое от непогоды пушистыми лапами соседок дерево, хоть и сыроватое, в огонь годилось.

— А тебе что? — огрызнулся Санни. — Всё одно здесь ночевать и придётся, можно уже и отдохнуть.

— Отдыхай, — легко согласился охотник. — Можешь сразу яму выкопать, чтобы на вечный отдых устроиться. На небо глянь, дурень! Без костра околеет ещё к полуночи!

— Так а отдохнуть когда? Пешком же шли...

А вот Талла охотника порадовала. Она-то, конечно, ехала верхом, притомилась куда меньше, но всё одно умница: не прохлаждалась, уже обламывала сухие низенькие ветки и обди-рала, где можно, кору для растопки.

— Вот сейчас лошадок протрём да накормим, огонь разведём, поесть приготовим, шала-шик сложим...

— И наступит глубокая ночь! — горестно вскинулся Санни.

— И можно будет отдыхать, — подтвердила колдунья. — Вы гляньте, какая красота вокруг! Разве работа не в радость?

— Не-а. Вообще нет, — хором заявили мужчины, но всё равно принялись за дело.

Лагерь вышел на славу. Чуть переплести да подвязать сосновые лапы, сделать добрый настил — вот и жилище готово. Верд сообразил костёр из двух стволов посуше, между кото-рыми наложил да поджёг хворост. И хватит надолго, и пламя будет ровное, нежаркое. Самое то для обогрева до утра.

Оголодавший толстячок при всём желании не успел бы за день приговорить все запасы еды, так что ещё и ужин ожидался сытный да вкусный. Им и занялся, закрываясь локтем от наёмника всякий раз, как тот пытался сунуться в котелок:

— Твоё дело мечом махать, а к еде не лезь! Богу с Ножом лучше помолись, а Богиня с Котлом тебя всё одно не услышит.

Признаться, в том, что боги отзовутся Верду, служитель очень сомневался. Спустившись на землю, благодетели объявили себя покровителями рода людского. Бог с Ножом первым вложил в руки мужчины оружие. Но не для войн и убийств, а защиты ради! Это теперь каждый головорез считает, что имеет собственного заступника. На деле же лишь к шваргу вызывает. Наверное, потому Санни и не смог остаться в отряде. Не потому, что сражался хуже прочих, и не потому, что в первом же настоящем бою спрятался в овраге и дрожал, точно заячий хвост. Хотя, что уж, последнее вызвало немало хохота у побратимов и помогло принять нелёгкое решение. Но ушёл Санни не поэтому. И не поэтому подался в служители. Боги милостивы. Быть может, когда-нибудь и его простить сумеют...

— Ну долго ты там ещё кашеварить будешь? Не к приёму, небось, готовишься! — рыкнул охотник, от нечего делать принявшийся причёсывать разнuzданным кобылам гривы.

«А вот Верда — хрен!» — мстительно подумал Санни.

Старания слуги богов так никто и не оценил. Наверное, он и правда хорошо готовил. Не пожалел в кашу ни жира, ни кусочков мяса. Но котелок опустел куда как раньше, чем остыл, а рты оказались слишком заняты, чтобы делиться впечатлениями от трапезы. Сытых мужчин быстро разморило. Они вытянули ноги к костру, ощущая живительное тепло, и в согласном благоговении наблюдали, как ворожит дурная.

Для Таллы самое сложное только начиналось. Днём, уставшая, замёрзшая и, чего греха таить, слегка напуганная после встречи с разбойниками, она мало чем могла помочь животине. То есть, наверное, сумела бы вылечить за час, но Верд не позволял такие долгие привалы, ругался и поторапливал. Приходилось лишь снимать боль, а глупая тварь, решая, что нога зажила, только сильнее травмировалась. Теперь растяжение (девка поблагодарила богов, что не вывих) лечить ещё сложнее.

Она легко касалась больного места, и кобыла стояла, не решаясь двинуться. В круглых тёмных глазах отражался голубоватый свет, окутывающий руки колдуньи. Тонкая искрящаяся паутина оплетала распухшую мышцу, заворачивала в кокон, проникала под грубую лошадиную кожу. Скакунье бы испугаться, шарахнуться... Ходят же слухи: не любит живность нечистой силы. Но лошадь стояла спокойно, не отводя любопытного взгляда, едва шевеля ноздрями. Так, может, магия колдуньи вовсе и не дурная, раз так принимают, тыкаются мягкими губами что хромоножка, что Каурка, не пожелавшая оставаться в стороне от действия?

И сама Талла точно звёздочка, упавшая в снег. Прикрыла веки, улыбается чему-то неизвестному, таинственному, знает что-то, недоступное жестокому наёмнику и изголодавшемуся по чуду служителю. Нити сияли и колыхались, но не в такт ветерку, а словно от тёплого дыхания. Дыхания того, кого не разглядеть простым смертным, сколько ни всматривайся в полумрак, расступившийся от отблесков волшебства на белом полотне. И каждая снежинка ловила это сияние, пропускала через себя и возвращала к чутким бледным пальцам ворожеи. Дурная... Но такая красивая!

— Верд! — Санторий тихонько тронул наёмника за плечо.

— Тш-ш-ш! — велел тот. К чему слова, когда рядом — волшебство? Слова подождут. Но Санни не отставал.

— Верд...

— Позже, — непривычно спокойно, без крохи злости попросил охотник.

— Верд.

— Ну что тебе?

Вынужденный оторваться от дива, он сейчас и за меньшее надрал бы приятелю уши. Но служитель ещё и ляпнул то, от чего наёмник вовсе вскипел:

— Не нужно продавать её...

— Заткнись, Санни.

— Посмотри на неё, — не унимался святоша. — Она же живое чудо!

— И мне отвалят за него кучу денег. — Верд палкой поправил угли, опасаясь снова поднимать глаза на колдунью. Чего доброго, мелькнёт мысль, что не такую уж ерунду городит Санторий...

— Ты позволишь запереть её в клетке?

— Если клетка удобная, то отчего ж не запереть.

Эх! Слишком сильно саданул палкой по кострищу! Треснула надвое, упала в огонь, взметнув сноп искр. Талла вздрогнула, но не повернулась, а вот хромая лошадь укоризненно фыркнула.

— Она же невинная девочка! — неубедительно, но горячо возразил служитель.

Верд повернулся к нему, уставился на переносицу колючим взглядом, который (Санни прекрасно это знал!) не мог выдержать никто.

— А я — твой друг!

— Бывший друг, — с горечью напомнил служитель.

— Но хороший бывший друг, — хмыкнул Верд.

Больше Санторий не говорил. Готовясь ко сну, охотник съязвил, что, кабы знал, как просто его заткнуть, давно бы это сделал. Но от шутки ароматная каша, съеденная на ужин, словно поднялась обратно к горлу и стала комлем. Потому, наверное, и не спалось. Хотя шастающие поблизости волки тоже не способствовали спокойному отдыху. Когда же Верд отлучился, так сказать, спугнуть из окрестностей лагеря хищников, застал у входа в шалашик надпись (сделанную, кстати, с ошибкой): «Шёл бы ты нахрен». Предполагаемый автор текста лежал спиной к костру и неубедительно изображал спящего. Верд хмыкнул и без малейших угрызений совести затоптал откровение слуги богов.

Вскоре подморозило сильнее, пришлось потянуться за одеялом. Оно почему-то оказалось ближе, чем помнил охотник. Прямо-таки само сунулось в руку, как соскучившийся пёс. Ещё и тёплое...

— Чего не спишь? — вслед за ним вылезла Талла.

— Вас стерегу.

— Думаешь, сбежим?

— Думаю, убьётесь сдуру.

— Это мы можем, — хихикнула девчонка, отвоёвывая край ткани и устраиваясь под ней, как птенец под крылом.

— А ты чего? — буркнул Верд, чтобы хоть как-то среагировать на странный жест.

— Стерегу тебя. Вдруг сбежишь.

Пустые разговоры. К чему? Охотник зло выдохнул. Лучше бы девка спала. А то сидит рядом, непонятно, чего хочет, жмётся к боку, не давая расслабить плечи.

И волосы эти, что снег на ветру! Колыхнутся, взмывают в воздух, повинуюсь чьей-то неведомой воле, а не законам природы. Белые, как снежинки. Того и гляди растают от жара огня.

Льдинка. Хрупкая, тонкая... Не тронь — рассыплется в огрубевших пальцах.

А пламя плясало, облизывая рассохшееся дерево, сжирая всё, до чего могло добраться, шипело, боязливо отдёргивая языки от островков снега. Что станет, коснись оно ледяной статуэтки? Огонь потухнет, отступив перед красотой? Возможно. Но и красоты не станет. Лучше уж им держаться подальше, каждый в своём мире. Хрупким статуэткам место на полке. А лесному костру — в походе.

— Как живой, правда? — обожгло щёку охотника тёплое дыхание.

— Скажешь тоже... — Он подбросил пук хвороста, и огонь с рычанием накинудся на добычу. Точно как живой.

— Как добрый хозяин. Накормил, обогрел. А сейчас сказки рассказывает.

— Ерунду-то не мели. Сказки... Тоже мне.

— А ты послушай!

Талла обхватила его тонкими ручками за шею, заставила склониться к костру. Тот трещал, поедая горячее, шипел, злился, пыхтел и бурчал. Как старый зловредный дед, у которого выпрашивают историю непоседливые детишки.

— Придумала тоже... — Верд выпрямился, осторожно расцепляя руки колдуньи. — Огонь слушать! Лучше слушай, как бы волки не подобрались.

Но однажды прорвавшая оборону девчонка не желала отставать. Извернулась, когда её попытались оттеснить к лежаку, ухватила за руку. Наёмник скрипнул зубами: рассудив, что все уснули, он снял повязки с саднящих ладоней. Треугольные отметины на них непрестанно жгли вблизи колдуньи, не выбросишь из головы. Он прикладывал к ним снежки, облегчая боль, но это мало отличалось от попыток подлечить на ходу хромую клячу. Всё одно боль не уйдёт, только вернётся вдвое против прежнего.

Талла повторила пальцами серебристый узор метки.

— Больно?

Верд неопределённо скривился. Может, и больно, но не пристало воину в таком сознаться.

— Давай полечу?

Эка невидаль! Колдунья, помогающая наёмнику! Верд чуть не рассмеялся, но вовремя вспомнил, что его смех не слишком-то весело звучит.

— Спать иди.

Она вскочила, скакнула через костёр (сердце охотника пропустило один удар), закружилась по поляне:

— Разве можно спать в такую ночь?

Невольно осмотревшись, Верд пришёл к выводу, что не только можно, но ещё и нужно. Если не в такую, то в какую вообще?

Девка, главное, пляшет, словно холода не чувствует! Ровно снежинка. Дурная!

Кружит, смеётся... Так завывает, баюкает метель усталого путника. Утешит, погладит по волосам, поклонётся, что подарит тепла, уложит на пуховую перину. И ледяное одеяло накроет коченеющее тело. А она так и продолжит выть и смеяться, танцевать и мести. Пока не найдёт нового дурня, поверившего в сказку.

— Ну-ка марш на лежак, дурная! — невесть с чего разозлился Верд. — Завтра опять носом клевать станешь, просить привал! Марш, сказал!

Он ловко поднялся, широко шагнул, чтобы грубо, жёстко, до синяка ухватить её за плечо. Но чудесница извернулась, проскользнула под крепким локтем: не поймать снежинку, как ни старайся.

— Пойду! Честное слово, пойду! Дай чуточку времени! — И сама сжала тонкими пальцами его предплечья, обжигая даже сквозь куртку. Попросила: — Потанцуй со мной, Верд!

— Что я, пацан какой? Танцевать? Придумала тоже!

— Один танец! — Она откинулась назад, точно ведомая ветром. — А потом сразу спать! Ну пожалуйста! Смотри, как хорошо!

Охотник слишком часто видел небо. Хорошо для него — потолок на постоялом дворе или хотя бы прохудившаяся крыша сарая, в который пустила на ночлег сердобольная вдова. Что ж хорошего в хитро перемигивающихся звёздах, в пороше, что уронили с веток быстрые белки? Что хорошего в треске костра, в мерном храпе бывшего друга, в изредка доносящихся горячих вздохах пламени?

— Одну минуточку! Ну пожалуйста! — шепнула Талла, доверчиво прижимаясь к нему, уводя в дурную пляску, касаясь легко, как снежинка...

— Да иди ты! — гаркнул охотник, отталкивая проклятую колдунью. Та покачнулась: вот-вот упадёт, не удержавшись, заплачет горько-горько. Ну и пусть! Пусть сопливо, некрасиво ревёт, пусть пускает пузыри, злится, кричит, сбежать пытается! Ей и нужно бежать, дуре эдакой, а не в друзья Верда записывать!

Но она не расплакалась. Лишь сморгнула несколько раз, удивившись больше, чем расстроившись. Уставилась на него чистыми синими глазами, спросила спокойно:

— Зачем ты так?

И Верд не выдержал, отвернулся, снова сел у костра, невесть для чего тыкая в него коротким обломком палки, обжигаясь, точно эта боль могла выжечь из памяти лёгкое, заманчивое, убаюкивающее прикосновение.

Она опять не ушла, как послушный телёнок на бойне. Устроилась напротив, отгородившись пламенем. Казалось, прямо в костёр нырнула, укрывшись раскалёнными языками. И ничего, не тает, не кричит, не жалуется. Лишь глядит задумчиво, морщит лоб.

— Я не боюсь тебя. — Талла, играя, провела ладонью над огнём, не скривилась.

— Зря, — скрестил руки на груди охотник, неосознанно пряча метки.

Она усмехнулась, и на секунду мужчине показалось, что по ту сторону костра не наивная девочка, а мудрая старуха. Нет, просто пламя бросило тень...

— Наверное. Но неужели страх кому-то облегчал жизнь?

— Страх помогает выжить.

— А зачем выживать, если жить не хочется?

Вот же дура девка! Зачем, спрашивает, выживать? Зачем... А зачем? За тем, что тело требует жирной пищи и сна. Девки вот тоже требует и выпивки. За тем, чтобы, услышав, что отправился к богам старый вояка-побратим, покачать головой и выпить за него. За тем, чтобы было, кому пить за всех, кто ушёл.

— Дура ты, — решил Верд. — Молодая ещё. Не понимаешь.

Талла расхохоталась, завалившись на спину, да так и осталась, рассматривая звёзды, проводя пальцем воображаемую дорожку от одной светящейся точки к другой.

— Дура, — тихонько повторила она, пожевала губами, точно слово налипло на них мёдом. — Дурная, это точно. Дура... Ну, может, и дура. Ты думаешь, Верд, — она перевернулась на бок, оперлась на локоть, испытующе глядя на хмурого охотника, — что я не знаю, кто ты такой? Я не впервые вижу эти метки. Знаю, что меня ждёт.

Он стиснул зубы. Треугольные рисунки, впившиеся в кожу, стали жечь в разы сильнее. Сунуть бы ладони в сугроб, отрубить их к шваргу, лишь бы избавиться от добровольной кабалы!

— Тогда почему ты пошла со мной?! — горько крикнул он и повторил вполголоса, чтобы забеспокоившийся Санни не проснулся: — Почему не попыталась сбежать, не попросила помощи у старосты?

— У старосты? — Талла принялась аккуратно лепить снежок, сглаживая края, чтобы стали идеально круглыми. — Наверное, ты всё-таки не прав, Верд. Не такая уж я дура. Никто не вступился бы за меня. Колдунья в деревне — хорошая помощница. До худых времён. Случись что, угадай, кто виноват? Кто прятался в лесу целый месяц, когда настала засуха? Кто подпирал дверь лавкой, когда пьяный сынок кузнеца ломился доказать, что мне замуж пора? Нет, Верд. Никто не стал бы рисковать ради дурной девки. Выгонять бы, конечно, тоже не спешили. Всё ж таки и пользы от меня немало, но... но я всё-таки дурная.

— Но ты могла сказать, что не хочешь со мной идти!

— И ты послушал бы? Пожал плечами, ушёл искать другую колдунью на продажу?

Верд промолчал. Не ушёл бы.

— Говорят, наш дар проклят. Отгоняет всех, кого доведётся полюбить. Наверное, это правда. Не зря же ни одной из нас не довелось обзавестись семьёй? Но у любого проклятья есть обратная сторона. Меня ничего не держало в деревне. Я не боюсь тебя, Верд. И я тебя не виню.

Талла сочла снежок идеальным. Прицелилась, прикрыв один глаз, и прямо сквозь пламя запустила в грудь охотнику. Он ошалело ахнул на выдохе, уставился вниз, но стряхивать с куртки было уже нечего.

— И потом... — Колдунья отряхнула руки и хитро, прямо как одна из звёзд в небе, подмигнула: — Мне почему-то кажется, что я очень-очень тебе нужна.

Когда девчонка улеглась в шалашике, а её сопение утонуло в громогласном храпе Санни, Верд всё ещё смотрел на то место у костра, где она сидела. И с ужасом понимал, что дурная права.

## Глава 6

### Шварги тебя раздери!

Охотник так и не сомкнул глаз, начал седлать коней ещё до рассвета. Это их и спасло.

Сонная Каурка попыталась выразить недовольство укусом, Кляча же, ещё вчера смирившаяся с безвременной кончиной, пускала из ноздрей струи пара и не противилась. Верд проверил её ногу: зажала, точно лошадь весь день дурака валяла, чтобы не везти тяжести.

— Повезло тебе, — довольно хмыкнул он. Ясно, почему дар колдуний так ценится среди знати. Заведёшь дурную девку под руку, и можно не бояться никакой хвори или травмы. Разве что голову отсекут, тогда её магией обратно уже не приделать. Хотя шварг их знает, дурных этих...

Каурка снова попыталась куснуть хозяина, но тот раздражённо отмахнулся: стоило всё же хоть немного вздремнуть, теперь же весь день будет злиться любая мелочь. Но лошадь не отставала. Она тянула повод, порывалась встать на дыбы, всё громче ржала, окончательно разбудив лагерь. Да и Кляча не отставала. Верд порадовался, что успел собрать почти всю поклажу, ведь сейчас лошади нипочём не пожелали бы стоять спокойно, пока у сёдел закрепляют сумки.

— Да тихо ты! Тихо! — сначала сердито, но, чем дальше, тем более обеспокоенно повторял Верд.

Скакуны не просто вредничали: они боялись. И с каждой секундой страх усиливался, перерастая в животный бесконтрольный ужас. Он не обошёл стороной и наёмника. Из глубины живота поднималось тёмное, едкое чувство. Именно оно заставляло в походе хвататься за меч прежде, чем открываешь глаза, вскакивать быстрее, чем проснулся. Оно помогало Верду выживать в бою и ни разу ещё не обманывало.

— Доброе утро! — лучезарно улыбнулась Талла, выглядывая из шалаша. — А почему лошадки...

Закончить охотник ей не дал. Приложил палец к губам и резко дёрнул подбородком в сторону коней. В кои-то веки девчонка не стала спорить или радостно выяснять, что хорошего случилось. Молченько подхватила оба одеяла — своё и Санни — и, вцепившись в ворот куртки служителя, заставила и его подняться.

— Отсыпь овса или пинка, чтоб заткнулась, — сонно пробормотал Санторий, пытаясь поймать край ускользающей ткани. Но прохладиться ему не позволили.

— По коням. Быстро, — скомандовал Верд, озираясь в поисках невидимого врага.

Сомнительная идея, надо признать. Обе лошади метались и меньше всего были настроены на покатушки. Но, где бы ни сховался неприятель, скакуны бросятся в другую сторону. Да, могут понести. Не самое приятное ощущение, особенно для девки, не умеющей толком держаться в седле. Ещё провалиться в запрятанную снегом нору могут и сломать что-нибудь. Хорошо, если не шею; хорошо, если только себе. Но это всё равно лучше, чем столкнуться без оружия с тем, кто так перепугал Каурку. Каурку! Ту самую, которая преспокойно щипала траву, пока Верд разбирался с поддавшимися жадности служивыми. Ту самую, которая при виде медведя только досадливо фыркнула и ровным шагом пошла по обратному пути!

— Спокойно, Каурушка! Всё хорошо! — утешала животное колдунья. — Что же напугало тебя так, милая?

Вскочить бы сейчас в седло, перехватить поводья у Таллы и припустить куда подальше! Но лошади кружили на месте, не решаясь сунуться за частокол ёлок, прятавших ночью путников от ветра.

Окружили!

Кто бы ни укрывался деревьями, он не один. И он умнее зверя.

— Там! Там кто-то! — заверещал Санни, сам едва не встав на дыбы.

Служитель указывал дрожащей рукой на качающуюся сильнее прочих ветку, с которой только что некто невидимый стряхнул холмик снега.

Угасающий костёр не дарил света, побледневшие перед восходом звёзды тоже не собирались облегчать воину задачу, а первые лучи солнца успевали затеряться в лесу, так и не достигнув лагеря. Кабы не натренированный слух, не чутьё Верда, помогающее видеть невидимое, он и вовсе остался бы слеп перед неприятелем. А неприятель, похоже, любил прятаться в темноте...

Талла едва слышно добавила, пристально глядя в противоположную от указанной Санторием сторону:

— На западе двое мелькнули.

Верд не стал озираться, чтобы убедиться. И без того ясно, что круг сужается. Надо прорываться.

— Здесь, здесь! — снова закричал Санни. И не поверил бы никто, что этот трусливый толстячок некогда мог стоять рядом с охотником, тоже сосредоточенно сжимая рукоять клинка, выписывая его остриём едва заметные, усыпляющие бдительность врага восьмёрки.

Темнота за деревьями становилась гуще, приобретала очертания, как сумасшедшей улыбкой кривилась тощими, сильно выступающими под шкурами хребтами. Верд ещё не видел, но уже знал, где они затаились. Знал, что под неприметным отблеском снега в жёлтых глазах прячутся голодные пасти.

— Волки... — пискнул Санни, тоже выхвативший отражение тлеющих углей во мраке, казавшемся пустым.

— Это не волки, — прошептал охотник. И он не смог бы повторить это громче, потому что тогда все бы услышали, что голос бесстрашного наёмника охрип, а горло пересохло.

— Это шварги, — первой поняла Талла.

И тогда, раскоченные, они бросились вперёд.

— Да чтоб меня шварг сожрал! — выругался Верд прежде, чем понял, что шварг не только действительно может осуществить озвученное, но и, судя по всему, уже подготовил приборы к трапезе. Допросился! — Н-н-но!

Охотник никогда не считал себя отличным наездником. Неплохим, быть может, но не лучшим. Что он, что Каурка больше привыкли к долгим походам, одинаково умели сносить и пургу, и палящее июльское солнце. Но оказалось, что нечисть способна пробудить таланты, о которых никто и не подозревал. По крайней мере Верд измудрился вскочить в седло с места, без разгона и стремени, оттолкнувшись лишь от оскаленной морды со слишком широкой алой прорезью рта. Все четыре лапы шварга разъехали в разные стороны, а приплюснутая харя зарылась в снег. Каурка прыгнула через неё, будто всю жизнь училась брать препятствия, прорвала кольцо, добавила немного пороши из-под копыт, делая холмик рыжеватой шерсти чуть более живописным. Наёмник, игнорируя правила честного боя, добил лежащего лезвием поперёк хребта.

Кабы это помогло! Нечисть боится доброй стали, особенно если последняя достаточно глубоко входит в тушу. Но не шварги. Этих не убить ничем. Оттого, наверное, их и считают тварями из другого мира, теми, кто одинаково легко убивает живых и жрёт мёртвых. Оттого и желают недругу оказаться во чреве шварга, обрекая на вечные муки...

Упавшая тварь встряхнула шерсть, забрызгав белоснежное полотно брусничинами крови, и единым прыжком развернулась, чтобы пуститься в погоню.

— Гони-гони-гони!!! — надрывался Санни, зажмурившись, поторапливая Клячу ударами, вообще не понимая, куда скачет. Лишь бы подальше отсюда! Благо впереди неслась Каурка, которой худо-бедно успевал управлять Верд, так что и служитель двигался за нею.

Ещё широкий росчерк меча, и ещё один, и ещё... Но твари не желали отступать! Они бежали слева и справа, пытаясь снова окружить жертв, цапнуть за ногу или развевающийся лошадиный хвост. Что им пара царапин, когда вот он, рядышком, сытный завтрак?

Охотник резко натянул поводья, разворачивая лошадь, чтобы встретить мечом прыгающего сверху монстра. Шварги лазают по деревьям не хуже белок, впиваясь в стволы загнутыми когтями, но делают это очень медленно. Пока гадина забралась, пока прицелилась, пока сиганула вниз, метя сбить Санторию на землю, Верд успел выставить клинок. И едва не лишился его, когда отяжелевшую тушу повело в сторону. Расслабил руку, позволяя твари соскользнуть с лезвия, а та, скотина эдакая, едва оказавшись на лапах, вскочила и продолжила погоню. Хоть отставать начала, и то хорошо.

— Глаза разуй! — гаркнул охотник, выхватывая нож из-за голенища сапога и на ходу перекидывая его другу.

Служитель едва успел выполнить приказ, но оружие не упустил, к тому ж сразу полоснув им по загривку шваргу, вцепившемуся в чересседельную суму. Кляча заржала так испуганно, словно клыки задели не дерюгу, а её собственный зад, метнулась в сторону, проваливаясь, но тут же выскакивая из сугроба. И слава богам! Отстав от Каурки, она пустила неприятеля вперёд, и тот выскочил бы перед ней, вцепился бы в незащитное горло... Повезло! Шварг лишь проскользил мимо, когти, вспарывая рыхлый снег, почти не затормозили его. А вот сбившаяся в кучу позади свора — да.

Послышалось оскорблённое твякание, возня, рычание и оборвавшийся посередине рык. Стая не заметила потери бойца, продолжая движение.

Верд не пожалел драгоценной секунды и оглянулся. Недвижимая клякса рыжей шерсти так и осталась на месте. Оказывается, шваргов всё же можно убить. Жаль, что сделать это могут только такие же твари.

— Да сколько же их?! — хныкал Санторий, снова вынужденный орудовать ножом и делавший это удивительно ловко.

— Я их считаю, по-твоему? — огрызнулся Верд

— Двадцать шесть, — невозмутимо сообщила колдунья, которая, казалось, вообще ничего не должна видеть из-за густой Кауркиной гривы. — Уже двадцать пять, один тяжело ранен.

— Кабы это ему помешало...

Костлявые, лёгкие, больше похожие на волчий труп, чем на живое существо, шварги могли нестись по сколь угодно глубокому снегу. Чего не скажешь про лошадей. Ёлки не пустили метель в лес, но о проторенной дорожке не стоило и мечтать. Каурка начала спотыкаться, цеплять пни и поваленные стволы, замаскированные зимой. Потная, бешено косящаяся Кляча всё больше годилась на откуп голодным чудищам. Зато Санторий, вспомнив былые времена, раскраснелся, подтянулся и щедро одаривал хищников ударами, но при этом и сам не остался без травм. Хотелось бы верить, что укусы шваргов не ядовиты. Но ещё никому не доводилось выжить после стычки с ними, чтобы это доказать.

Неожиданно Талла, прежде лишь крепко цепляющаяся за лошадь, чтобы не мешать охотнику, выхватила и потянула поводья:

— Направо!

— Куда, дура! — Дать бы хорошую оплеуху девке, чтоб помалкивала, так вылетит же из седла к шваргам, в прямом и переносном смысле! — Там сугробы! Лошади ноги переломают!

— Направо! — упрямо дёрнула уздечку Талла, махнув на плотно сомкнувшиеся ёлки, чтобы и Санни не проскочил их.

— Не пробьёмся! — Охотник локтем встретил алый зев пасти, куртка заскрежетала, кровь брызнула в голодную морду, подстёгивая интерес к ускользающей добыче.

Колдунья завизжала, хватая мужчину за плащ, чтобы звери не стянули того вниз, её ладони засияли, точно погрузившись в звёздный свет, оставляя за собой искры в воздухе. И шварг зажмурился, замотал головой, принялся когтями выцарапывать из жёлтых глаз переливающихся светлячков.

— Да чтоб тебя! — не стал снова поминать шваргов Верд, заставляя Каурку свернуть в кажущуюся непроходимой чашу. — Санни! Сюда!

Колючие ветки приближались, грозя выколоть глаза. Лошади невыносимо медленно плыли по сугробам, высоко подбрасывая крупы.

«Не успеем», — понял охотник, когда зелёные иголки хлестнули его по щекам.

\*\*\*

Деревня у озера всё-таки была. А вот озера — уже не было.

Безымянный автор карты, с которой сверялся охотник, не напортачил. Но ни запаха печного дыма, ни проторенной стёжки, ни любопытных шумных собак, что обозначили бы правильно выбранную дорогу, путникам не встретилось. Потому что не только некогда прозрачный идеально круглый водоём покрылся слоем вонючей тины, но и саму деревню словно усыпила, заболотила неведомая сила.

За ёлками закончилась зима. Её изгнал в лес едкий зелёный туман, клоками ползающий меж опустевших домов с распахнутыми ставнями. Забытые, уже никому не нужные вёдра валялись у колодца рядом с брошенным коромыслом, покрытые поблескивающей от влаги плесенью. Она, точно ослабевшее, голодное существо тянула плети ростков к селению, выбиралась из колодца молочными пенками, захватывала власть над местом, некогда кипящим жизнью.

Верд замахнулся подстегнуть остановившуюся в недоумении Каурку, но опустил руку: шварги замерли по ту сторону деревьев, в царстве снега и льда, поскуливая, но не решаясь преследовать дальше. Видно, шварги умнее людей.

Санни позволил Кляче подозрительно принюхаться к величаво проплывающей мимо кляксе тумана, но в последний момент та попятилась и прижала уши.

— Где это мы? — Талла высунулась из-под плаща Верда, в который успела замотаться на ходу, как в кокон.

— Тебя спросить надо! — рыкнул охотник. — Кто верещал, что нам направо?

— Но помогло же, — легкомысленно пожала плечами колдунья, расстёгивая полушубок. В тёплой гнилой сырости пустой деревни сразу стало невыносимо жарко.

Служитель мизинцем осторожно отодвинул одну из веток, отгородивших их от погони. Послышался характерный лязг челюстей, Санни торопливо отдернул палец и, на всякий случай, заставил Клячу пройти ещё немного вперёд.

— Действительно помогло, — подтвердил он. — Шварги не суются дальше ёлок.

— А мы теперь из них не высунемся, — хмуро поддакнул Верд. — Куда? Дурная!

Ухватить Таллу за косу он не успел, так что девчонка легко соскользнула на землю и двинулась к домам, благо по большой дуге обходя островки тумана и плесени. Охотник обернулся на Санни в поисках поддержки, но нашёл лишь поспешно спрятанную улыбку:

— Сам такую завёл. — Служитель поджал губы, дескать, ничего он здесь не может поделать, спешил, и отправился за колдуньей. Всё лучше, чем стоять меж двух зол, не понимая, которое из них зубастее. Да и утробное урчание за спиной — весомый довод поторопиться.

— Обоих придушу, — пообещал сам себе наёмник, вытирая оружие от крови шваргов и догоняя спутников. Не слишком старательно, чтобы вдруг не решили, что он признал их решение разумным.

Избы походили на провалившиеся рты мертвецов. Страшно заглянуть в качающуюся на одной уцелевшей петле дверь: ну как покажется внутри кто-то, кому место по *ту* сторону? Ну

как поймёт, что его заметили? Ну как протянет зеленоватые руки, чтобы поймать, утащить любопытного туда, где не выдают секретов...

Верд не опускал меча. Ясно, что деревня вымерла. Ни птицы не встретилось по пути, ни мыши не скользнуло из-под ног; жабы, извечные жильцы болот, и те не водились здесь. Лишь туман ползал у порогов, как брошенный пёс, не понимающий, куда мог пропасть верный хозяин. Вымерла... Но охотник всё равно сжимал рукоять крепче, чем посреди поля брани, когда клинок летает из ладони в ладонь, предугадывая желания бойца.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.